

ЭДУАРД ОВЕЧКИН

АКУЛЫ ИЗ СТАЛИ ТУМАН

Новинка от автора бестселлера
о жизни подводников, их женщин
и домашних питомцев

18+

Легенда русского Интернета

Эдуард Овечкин

Акулы из стали. Туман (сборник)

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Овечкин Э. А.

Акулы из стали. Туман (сборник) / Э. А. Овечкин — «АСТ»,
2017 — (Легенда русского Интернета)

ISBN 978-5-17-102457-4

Часто жизнь оказывается ярче и удивительней, чем любая фантазия. Рассказы Эдуарда Овечкина описывают события нелегкой жизни подводников и под толщей воды, и на суше. Яркий авторский стиль и целая галерея образов составляют суть этой прозы. Динамичное повествование от лица профессионала о вещах серьезных и опасных ведется столь увлекательно и с таким фирменным флотским юмором, что от книги невозможно оторваться до самого конца. А закончив чтение и отсмеявшись, вдруг ощущаешь, что стал лучше понимать и людей, и саму жизнь.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-102457-4

© Овечкин Э. А., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Хлорка и права человека	6
Сверхъестественное	9
Горец	19
Притихший северный город	23
Млекопитающие	29
Воспитательная работа	34
Тишина	38
Я и бал принцесс	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Эдуард Овечкин

Акулы из стали. Туман (сборник)

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Э. Овечкин, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Хлорка и права человека

Тут вспомнил одну историю о правах человека в военно-морском флоте. Не, ну помню-то я их немало, но одну расскажу сейчас. Один читатель очень активно возмущался, что на флоте есть вестовые, которые кормят офицеров: мол, не такие уж и барины, могли бы сами себе суп в тарелки наливать, а не бедных матросов заставлять себе прислуживать, ущемляя их права человека и унижая личное достоинство.

Ну, хуй его знает, что сказать на это. Про то, что офицерский корпус несколько привилегирован по отношению к остальным слоям военно-морского флота, я даже не стал говорить, чтоб не вызывать всплески повторных возмущений. Права человека – это вообще несколько размытое понятие во время выполнения боевых задач. Сейчас попробую объяснить.

Боевой корабль в море – это не набор отдельно котлет и мух. Это симбиоз людей и механизмов, заточенных только для одной-единственной цели: выполнить свою задачу с наибольшей эффективностью. Конечно, было бы неплохо при этом сохранить корабль и людей, но это вторично и, давайте будем откровенны, на это всем насрать. Нанёс удар по врагу – красава. Точка. А сохранил корабль, уведя его от ответного удара? Ну... тоже неплохо. Именно в такой очерёдности.

Поэтому нельзя сказать с чёткой разграничительной линией: вот это – механизм, а вот это – живой организм. Понятно, что вроде как живой организм ест, какает и бегаёт курить, но и механизм тоже ест и какает. Понятно, что механизм в боевом своём состоянии безотказно работает и выполняет одну уникальную для себя задачу, не обращая внимание на то, насколько сильно его этим унижают, но и живой организм – также!

Будет живой организм в нормальных условиях при температуре под семьдесят градусов, влажности за девяносто процентов, в грохоте турбины, свисте генератора и шипении паровых клапанов стоять в трусах и крутить маневровые устройства несколько часов к ряду? А турбинист будет. Будет живой организм в нормальных условиях оттирать говно со стен и подлока галюна, потому что другой живой организм проебал проверить давление? Или выгребать опять же говно и органику из фильтров помп? А трюмный будет. Да что там турбинист с трюмным! Даже минёр во время выполнения боевой задачи будет вьёбываться, как ломовая лошадь! Вы что думаете, что там кнопочками всё делается? Хуй вы угадали! Цепи, крюки, блоки, гидравлика, прищемленные пальцы, отдавленные конечности и сломанные рёбра. Любой БДСМ-щик заикаться начнёт от зависти, когда увидит торпедный отсек в действии!

И вот самый ущемлённый во всей этой вакханалии – вестовой в кают-компании? Ну, не знаю, не знаю. И кстати, не только офицерам прислуживают вестовые на лодке, а точно так же и мичманам, и другим матросам. А всё почему? А всё потому, что приём пищи – это досадная необходимость, которая только мешает выполнению боевой задачи. Ну не могут сорок офицеров пообедать за пятнадцать минут, если сами себе будут они разливать суп по тарелкам и накладывать потом ещё и второе туда. Не могут, понимаете? А, ну и посуду за ними потом тоже мыть же ещё приходится... Куда только смотрит Комитет по правам человека при ООН? Куда угодно, но только не в военно-морской флот, вот что я вам скажу.

Мне, конечно, жаль матроса, который брезгает такой унижительной работой, как ухаживать за боевыми товарищами, но жаль где-то на самом дне моей солёной души, потому как я – не брезгаю. Для того чтоб приглушить у меня эту природную брезгливость и вот этот вот бесполезный аппендикс на моей гордости, меня с первого дня в военно-морском училище начали приучать ухаживать за моими товарищами, как и их – за мной. Я охранял их сон, стоя на тумбочке со штык-ножом или с автоматом в карауле, чистил для них картошку и разгружал мясо, накрывал им на столы и потом убирал за ними срач со столов и мыл за ними посуду, столы и пол. Несмотря на тонкость своей душевной организации, зажмурив волоокие глаза, я

своими изящными пальцами мыл за ними и унитаза (типа «очко», или «дучка» по-флотски), в которые они срали, и писсуары, в которые они ссали, и раковины, в которые они плевались зубной пастой, сморкались и складывали туда свою щетину. И бумажки, которыми они вытирали свои жопы, я тоже за ними выносил. И да, резиновые перчатки тогда ещё не изобрели, чтоб вы понимали.

А ещё у нас был старшина роты в звании целого старшего мичмана, который полагал, что если в гальюне нет бодрящего запаха хлорки, то приборка там не проводилась.

Ну и стоим мы как-то «на тумбочке», то есть дневальными по роте, с моим дружкой Лёшей. А Лёша только завёл себе новую «любимую на всю жизнь женщину» и как раз собиравшись ей первый раз «вдуть», потому как цветы ей уже подарил, в кино сводил и подержал её за руку, гуляя по Графской пристани. Поэтому Лёше очень нужно было убыть в увольнение до утра, сменившись с вахты.

– Приборку в гальюне зашуршишь, чтоб я охуел от её невъебенности, – тогда отпущу! – резюмировал старшина, выслушав Лёшины стенания.

– Есть! – радостно ответил Лёша и, наплевав на пару часов дневного сна, вооружился тряпками, ведрами, швабрами, фотографией любимой и ринулся в бой.

Он вымыл всё: стены, зеркала, плафоны на светильниках, краны на умывальниках, сами умывальники, писсуары, трубы к ним, дучки и дверцы на кабинках. Даже саму дверь в гальюн отдраил с мылом. Часа два шуршал, но за хлоркой в санчасть уже пойти у него сил не осталось.

– Ну как? – попросил он меня оценить приборку.

– Ну охуеть теперь! Даже поссать тут стесняюсь! Как в Эрмитаже, блядь, только чище!

– Спасибо, друх! – и Лёша побежал докладывать старшине.

Старшина походил, посмотрел, понюхал и выдал:

– Неудовлетворительно! Дезинфекция не проведена на должном уровне! Хуй тебе, а не увольнительная! Опять прочить придётся!

– Товарищ старший мичман! – возмутился Алексей, а его частенько штырило, да. – Я требую проведения служебного расследования с целью установления истины и восстановления моих человеческих прав!

– Да пошёл ты на хуй! – ответил старший мичман и убыл из расположения части.

Но Лёша не успокоился. Он не сдавался никогда, когда пахло самкой. Ни-ког-да, чтоб вы понимали. Он побежал в санчасть и получил там хлорку. Хлорку нам выдавали в виде концентрата, который нужно было разводить, исходя из пропорции «одна капля на табун». Но Лёша решил, что это лишнее и чем сильнее будет пахнуть, тем более вероятен тот факт, что грудь любимой наконец-то окажется в его жадных руках. Он шухнул по стакану в каждую кабину, каждый писсуар и каждый умывальник, остатки просто разлил по палубе. А потом закрыл дверь в гальюн и убыл накрывать на столы.

Я стоял на тумбочке, когда через полчаса в роту вернулся старшина.

– Тащ старший мичман! – доложил я, желая помочь товарищу убыть на случай. – Курсант Карлихин продезинфицировал гальюн!

– Заебись, – ответил старшина, – пойду поссу заодно!

И, напевая песню «заебися пахнет пися, если пися заебися», вошёл в гальюн.

С тех пор, когда говорят «как пуля», я вспоминаю, как из того гальюна выскочил наш старшина, захлопнул дверь и, привалившись к ней спиной, как в фильме ужасов, тяжело дышал и вытирал слёзы.

– Иди-ка сюда-ка! – позвал он меня. – Попробуй-ка зайди-ка, – ласково попросил он меня.

Не уловив подвоха, я приоткрыл дверь. Пары хлора немедленно набросились на меня. Они въелись мне в глаза, нос, уши, рот и, по-моему, моментально проникли даже в уретру. Через полвдоха мы уже вдвоём вытирали слёзы и сопли, привалившись к дверям спинами.

И тут в роту вернулся Лёша.

– Алексей, – ласково позвал его старшина, – а не желаете ли поссать?

– Так точно, тащ старший мичман! Желаю! – и Лёша вошёл внутрь, а мы захлопнули за ним двери и начали слушать. Мы слышали, как Лёша ссал, напевая «В краю магнолий», и как потом мыл руки, осторожно заглянув внутрь, прищурившись и затаив дыхание, мы увидели, как Лёша ковыряется в зубах, любуясь собой в зеркале.

– Окна там открой, блядь! – рявкнул на него старшина.

– А чо такова-то? – сделал удивлённые глаза Лёша. – Свежо же, и так довольно.

– Что должен сделать военнослужащий, получив приказание?

– Есть! – ответил Лёша и ринулся к окнам.

– Бля, Эдик, я чуть не сдох же! – рассказывал мне потом Лёша.

– Ну, ты артист, бля! Да Станиславский бы ладони отбил, тебе хлопая!

– Всё ради любви же!

Права человека – это хорошо, их ущемление – это плохо. Но если уж вы решили идти в военно-морской флот, то знайте: основным вашим правом там будет положить свою жизнь на защиту интересов Родины, а на этом фоне подносить суп офицеру – сущие мелочи.

Сверхъестественное

То реже, то чаще, но неизменно настойчиво меня просят рассказать случаи встреч с потусторонними силами и проявлениями мистических событий во время службы. Я не раз отмечал, что я – знатный скептик (или «упёртый баран», как предпочитает произносить вслух эту характеристику моя жена). Тем не менее настал уже момент, когда мне представляется более приличным кратко описать эти события, чем писать слово «потом» в ответ на каждое письмо с такой просьбой.

Чем меньше мы осведомлены о физических параметрах некоей вещи и её существовании вообще, тем легче убедить нас поверить в её существование с любыми параметрами. Это утверждение, на первый взгляд спорное, покажется вам очевидным, если вы зададитесь целью немного об этом подумать.

Смотрите: если вы, например, никогда не видели корову и не знали о её существовании, то поверить в то, что корова – крайне опасное животное, которое передвигается на двух ногах и питается кроликами, вам будет намного легче, чем если бы вы хоть раз в своей жизни видели корову, мирно пасущуюся на лугу. Особенно важную роль играет личность того, кто пытается вас убедить поверить: доверительно ли случаю он одет, каков у него тембр голоса и обладает ли он признаками принадлежности к какой-либо организации. Хорошо, если ещё при этом у него будут в наличии какие-либо титулы, пусть их название вам ни о чём и не говорит. Даже так – особенно если их название ни о чём вам не говорит. И непременно найдутся свидетели, которые будут утверждать, что вот всё это вот видели собственными глазами или, по крайней мере, лично знают человека, который точно видел. Непременно.

Кроме того, к вашим услугам всегда будет ваша память, об особенностях работы которой вы не задумываетесь, а просто пользуетесь ею в своё удовольствие. Между тем работу памяти можно, несколько упростив, представить в виде слепого, собирающего пазлы. Вокруг слепого бегают мышки и растаскивают кусочки из уже собранных пазлов, слепой находит подходящий по размеру и форме фрагмент и вставляет его на место украденного. В итоге все пазлы собраны и имеют законченную прямоугольную форму, но рисунок на ней будет соответствовать изначальному с ничтожно малой долей вероятности.

Сверхъестественное манит человеческий разум, как магнит железные гвозди. Во-первых, это интересно и захватывает дух, а во-вторых, в это легко поверить, не имея общепринятых представлений о том, как обстоят дела на самом деле, тем более не обладая изрядной долей скептицизма и не заставляя себя критически относиться ко всей поступающей извне информации, как, впрочем, и поступает большинство людей.

Завелось как-то в нашем военно-морском училище привидение. Аккурат после очередного всплеска паранормальной активности на крейсере «Москва». Однотипный со «Славой», он в отличие от неё обладал несколько дурной репутацией и преследовался чередой несчастий, в которых было принято обвинять в основном нечистую силу. На крейсере регулярно появлялись переборки, какие были на кораблях Великой Отечественной войны, в неожиданных местах (по ним сочилась вода, и они передвигались, сужая пространство), и в трюмах расхаживали привидения матросов в окровавленных одеждах (чаще всего в белых робах времён той же войны) со сtrupьями на лицах. По словам очевидцев, естественно. И сколько мы ни расспрашивали этих очевидцев, так и не удалось установить, отчего привидения появлялись, чего хотели и куда исчезали, если никто с ними не боролся, а только обсирался от страха при одном их виде. Рассказы свидетелей ширились, росли, наматывая на себя новые подробности и прирастая мелкими деталями, но так и не проливая хоть сколько-нибудь света на свою природу.

И, видимо, не выдержав такой несправедливости (не, ну а чем мы хуже крейсера?), военно-морское училище в бухте Голландия завело своё собственное привидение. Его источ-

ником стал лейтенант (фамилию его я умышленно не называю из уважения к памяти), который, прослужив чуть более полугода после выпуска, погиб на одной из атомных подводных лодок. Летними и осенними ночами он стал появляться на аллеях училища в белой парадной форме и с кортиком, лицо и руки его были страшно обожжены, но не подвержены неизбежному разложению временем. Он ходил под плотными крышами из ветвей каштанов и грецких орехов, где и погожим днём было несколько темновато, и пытался что-то сказать курсантам, которые ночью отчего-то гуляли там же. Что он хотел сказать, никто не знал, хотя поводов бояться его не было – про его агрессивность либо плохие намерения известий ни разу не поступало. Тем не менее курсанты предпочитали всегда либо терять сознание, либо бежать со всех ног, позоря гордое имя военного моряка, но спасая таким образом свой рассудок.

Не удовлетворившись такими объяснениями и считая рассказы очевидцев (в основном с химического факультета) несколько неполными, мы со Славой решили взять дело в свои руки и выяснить, откуда у всего этого растут ноги. Не с крейсером «Славой», а с моим другом, в честь которого, как он любил говорить, и был назван тот самый славный крейсер. К тому времени мы уже знали, переняв опыт старших товарищей, что как в жизни ноги всегда растут из жопы, так и в училище всё, что не подлежит здравому объяснению и не укладывается в нормы приличия или логики, появляется строго из недр химического факультета.

С одной стороны, это выглядело логичным: если вы можете выбрать профессию благородного турбиниста, степенного управленца, ловкого перегрузчика, бесшабашного электрика или загадочного киповца, но выбираете профессию, называемую в народе «дуст» (просто дуст, без всяких прилагательных), то чего от вас вообще можно ожидать? Хорошего, в смысле. Но с другой стороны, объяснение такое хоть и выглядит логичным, отнюдь не исключает возможных из себя исключений, и вдруг это оно самое и есть?

Выслушав нас внимательно, заместитель командира взвода (пятикурсник) сказал, что с такими тараканами в голове нам проще перевестись на химфак. Но ладно, так как учимся мы хорошо, замечаний по службе имеем в пределах нормы и просьба наша не коррелирует с развратом, пьянством и нарушениями воинских уставов, он, так и быть, согласен расписывать нас со Славой в парно-пожарный дозор до начала зимы. С тем условием, что причина этого останется между нами до конца наших дней, или хотя бы разглашать её мы не будем минимум пять лет. Согласившись на эти кабальные условия (а выбора у нас не было), мы со Славой занялись подготовкой к нашей миссии, то есть засели за штудирование По, Кинга и Лавкрафта; остальных писателей типа Стокера и Кунца мы хоть и уважали, но считали несомненно попсовее классической тройки и не допустили себе полагаться на их мнение в столь ответственном мероприятии, как отлов привидений.

Эх, как я завидую вам, современные пытливые умы! Имея под рукой Интернет и каплю усидчивости, как быстро можно научиться всем этим хитростям и мерам безопасности даже в этом, казалось бы, туманном вопросе экспертов – как блох на собаке! Не то что получить исчерпывающую информацию, но и приобрести всё необходимое (например, крылья летучей мыши, хвост носорога, пепел Феникса и кровь девственницы) можно прямо не выходя из дома и за довольно разумные деньги!

Мы же со Славой, проштудировав классику и написав краткий конспект с алгоритмами действий в различных ситуациях, отправились на цыганский двор за дельными советами и практическими приспособлениями. К тому времени мы уже знали, что гипнозам не подвержены, и опасений этот поход у нас не вызывал, да и денег, как и материальных ценностей, у нас отродясь не водилось.

Старый цыганский двор располагался на Северной стороне в частном секторе, был широк, неухожен и кишел цыганами – в различные времена в нём проживало или временно располагалось от десяти до пятидесяти человек, большинство из которых промышляли на пристанях и рынках города Севастополь.

– Кто тут у вас главный по колдовству? – не найдя другого повода, напрямую спросили мы у цыганёнка лет пятнадцати, который шил сапоги, сидя на вытертом крыльце.

– Пошли, – сказал цыганёнок, не проявляя лишнего любопытства, и сразу повёл нас вглубь странно дышащего жизнью, но неприглядно запущенного дома.

– Чарген! – крикнул он на пороге одной из дальних комнат. – К тебе пришли!

– Здорово, морячки! – весело подмигнула нам сгорбленная старушка с чёрными, обильно тронутыми сединой волосами, одетая во вполне цивильные брюки и свитер. – За приворотным зельем?

– А откуда вы узнали, что мы морячки? – немного затупил Славик.

– Так вы же в форме и бескозырках! Что ж я – совсем из ума выжила?

– А! Точно! – обрадовался Слава отсутствию колдовства на этом этапе. – Не, не приворотное, мы же и так красавцы! Надо какое-то средство для привлечения привидений и вступления с ними в контакт!

– Привидения отпугивать? – пробормотала старушка. – Да есть что-то, сейчас поищу.

– Да нет, – говорю я, – не отпугивать, а наоборот – приманивать надо привидение.

– Приманивать? – Она как будто и не удивилась вовсе. – А для чего вам такое в голову пришло?

Вкратце пересказав ей историю и добавив, что кроме как военными моряками нам бы хотелось стать ещё и охотниками на привидений по совместительству или, может быть, потом, на пенсии.

– Слышала я про это приведение! – подтвердила бабка рассказы дустов, от чего они стали ещё более подозрительными. – Сама-то я его не видела, хотя с другими-то да, встречалась!

– Не, ну вы-то понятно, что встречались. Это конечно. Вот как бы и нам встретиться, не прибегая к сильнодействующим наркотикам и в здравом уме? Есть какой-то надёжный способ, желательно проверенный на практике?

– Есть один! Да! Но для этого мне надо обряд над вами провести специальный для привлечения нечистой силы. Вещь опасная, конечно, но может помочь! Потом, когда дело закончите, ко мне вернётесь – я обратно вас расколдую.

Так как мы со Славиком были атеистами и обряд не был связан с болевыми ощущениями, питьём крови и поеданием несъедобных или плохоперевариваемых веществ, то мы с готовностью согласились, предупредив цыганку, что денег у нас нет и мы надеемся на её сознательность в деле проведения научных экспериментов, потому и настаиваем на бесплатном магическом обслуживании.

Цыганка пожевала губами и махнула рукой, что ладно, потом, мол, сдерёт с нас двойную цену, кода мы расколдовываться придём. Мы, конечно же, от души пожелали ей удачи, так как денег больше чем на пару пирожков с ливером, а то и картошкой у нас в карманах в те времена отродясь не водилось, а вряд ли магические ритуалы эквивалентны таким суммам, как их ни интерполируй.

Усадив нас на старый сундук и вызвав себе на подмогу чёрного кота с каким-то непроизносимым цыганским именем, старуха долго хлопотала, выискивая какие-то куриные лапы, сухие палочки и специальные мисочки, после этого лазила в погреб и доставала оттуда пузырьки с загадочными жидкостями и вязанки трав, разводила огонь в маленьком примусе и, когда мы совсем уже было заскучали, начала обряд.

Сказать, что в обряде этом было что-либо необычное, я не могу – повидав на своём веку всяческих, начиная от официально принятых в церквях и заканчивая совсем уж примитивными, я твёрдо укоренился во мнении, что все они имеют одинаковую суть и никаких иных целей, за исключением нагнетания загадочности, не преследуют. Во время проведения этого, правда, в комнату вошёл тот самый юноша, который встречал нас у порога, и, постояв секунду, сделал страшные глаза и начал было пятиться назад, бормоча что-то себе под нос и закрываясь

руками, но так как вошёл он после того, как цыганка начала петь, а расслабился, как только Славик сказал, что у нас денег нет и всё это за бесплатно, то немудрено было сделать вполне очевидный вывод о некоторой театральной природе этого эпизода.

Попев песен и напоив нас ароматными травами с ноткой полынной горечи, бабушка повела по нам сухой куриной лапой (не уверен, правда, что она была именно куриной) и на том завершила обряд, сказав, что теперь на нас привидения будут слетаться как мухи сами знаем на что. Правда, одно условие для этого необходимо: нам со Славой непременно нужно находиться вместе, а поодиночке можно тоже, но это может быть несколько более опасным предприятием, хоть и привидения будут не так активно нападать – в два раза же слабее заклятие, что мы должны понимать как будущие инженеры. Конечно-конечно, ответили мы, и да, мы помним, что надо прийти расколдоваться во избежание, и на этом покинули гостеприимный цыганский дом.

Доложив заместителю командира взвода о завершении предварительной подготовки, мы сообщили ему, что всё – уже пора расписывать нас в парно-пожарный дозор, когда взвод наш будут назначать дежурным, то есть несколько раз в месяц.

Парно-пожарный дозор был не то чтобы самым лёгким бременем в дежурном взводе, но пользовался определённой популярностью – иногда даже приходилось тянуть спички или бумажки из шапки с целью установления того, к кому благоволит Фортуна. Но то – Фортуна, сущность если и существующая, то довольно капризная и непостоянная, а то – заместитель командира взвода! Куда там Фортуне с ним тягаться!

Обязанности парно-пожарного дозора состояли, как нетрудно догадаться из названия, в том, чтобы предотвращать возможные возгорания в учебном корпусе ночью путём непрерывного его патрулирования как внутри, так и снаружи.

Учебный корпус состоял из пяти четырёхэтажных зданий, соединённых колоннадами с внутренними оранжерейными двориками, и имел центральный парадный вход с башней и шпилем; вокруг он был окружён довольно густым парком и по ночам внутри не освещался почти совсем, а снаружи – лишь редкими жёлтыми фонарями. Даже просто хождение по учебному корпусу ночью уже было определённого рода приключением – он был и вправду огромен, с гулкими паркетными полами, высоченными потолками и здоровенными окнами, сквозь которые лунными ночами струи белёсого света так необычно освещали все эти барельефы вождей, космонавтов и учёных, а также мотивационные лозунги на стенах «Учиться настоящему делу военным образом!» (или наоборот – я уже точно не помню) и прочие, что даже им, сто раз виденным днём, придавалась некоторая мистическая загадочность и смыслы, которых вовек не увидеть при дневном свете.

Попади туда в зрелом возрасте и с бодрящим напитком (конечно, я имею в виду ром с капелькой кофе), я бы бродил по этим лабиринтам без усталости, переполненный восхищением, но во времена юности в парно-пожарном дозоре полагалось найти укромное местечко и крепко в нём спать. Были как стандартные шхеры: рояль за бальной залой, маты под турниками в малом спортзале или парты в каком-нибудь учебном классе, так и необычные места, которые искались с завидным рвением. Дежурные по училищу, естественно, были осведомлены об этих привычках юных пожарных и периодически совершали обходы с целью найти, разбудить, пригрозить, дать тумачков и отправить дежурить. Бывало, что и находили, да.

Но мы-то со Славиком спать не собирались, полагая, что научная польза от нашего эксперимента будет значительно превосходить пользу от нашего крепкого сна. Причём превосходить будет как для нас, так и для всего человечества в целом. К первому своему дозору в заколдованном состоянии мы подготовились со всей необходимой тщательностью: подстриглись, помылись, побрились, надели свежее бельё (наизнанку, согласно инструкциям цыганки) и новенькие чехлы на бескозырки, взяли с собой мешочки с солью и написали прощальные письма матерям, в которых изложили мотивы нашего поступка и просили не держать на нас зла

за чрезмерную тягу к неизвестным граням бытия. Письма спрятали в свои учебные шкафчики с тетрадками и учебниками, чтоб их не обнаружили заранее; дождавшись темноты, присели на дорожку и выдвинулись на позиции.

Для приличия, а скорее от некоторой робости, обошли учебный корпус изнутри, ожидаемо никого в нём не встретив, кроме сонного караульного и сонного дежурного по училищу. Впрочем, встретить там никого сверхъестественного мы и не планировали – призрак лейтенанта предпочитал исключительно открытые пространства.

– Как думаешь, уже достаточно стемнело? – спросил Славик.

– Думаю, что да. Да и полночь совсем скоро – пора приступать.

– Ну погоди, сейчас я курну ещё одну и пойдём.

В курилке прямо у дверей такого уютного и манящего роялем, матами и столами учебного корпуса Славик выкурил свою «Астру», а я потренировался закусывать ленточки у бескозырки, чтоб не потерять её, если вдруг случится... резко менять позиции для более удобного наблюдения, и мы, соблюдая почтительное и торжественное молчание, тронулись. В смысле – на позиции тронулись, а не умом.

Если вам никогда не доводилось видеть летних южных ночей, то я вынужден предупредить, что скорее всего последующее повествование не заиграет для вас теми красками, которые переливаются в моей голове, и в том не будет вашей вины, а, скорее, моя. К своему глубокому сожалению, я мало того что не Гоголь, так ещё и не могу им даже притвориться хотя бы на время одного рассказа.

Напишу я, например, просто «Ночь была черна», а вы, сидя в своей Пензе, Санкт-Петербурге, Бобруйске или Петрозаводске, выглянув в окно, наверняка подумаете: ну да, ночь чёрная, но видали мы и почернее цвета, – в этом и будет заключаться главная ваша ошибка.

Чернота южной летней ночи настолько глубока и насыщена, что пытается поглотить даже контуры света от фонарей, делая их края неровными, расплывчатыми и дрожащими. Если долго сидеть в этой темноте, то становится понятным, что даже и звуки немного не те, какими должны бы быть. Нет, они есть, конечно, но настолько несмелые и настолько не к месту, что, кажется, даже цикады понимают, что у них мало шансов своими стрекотаниями наполнить эту темноту хоть чем-нибудь, кроме неё самой. Может быть, даже само слово «чёрный» было придумано именно в летней южной ночи – тогда это многое объясняло бы.

Мы со Славиком медленно пересекли плац – единственное место, которое было ярко и ровно освещено, как и положено любому капищу, – к плацу военные всегда проявляют максимальную степень почитания. Нам не было страшно в классическом понимании этого слова, мы, скорее, почтительно робели от того, что не понимали, надо нам бояться или вовсе нет. В привидения мы не верили, но всегда же есть шанс, неважно какого размера, что то, во что ты не веришь, выскочит у тебя перед лицом во всей своей ужасности и с радостным оскалом на клыках скажет: «Привет, морячок!» И вот что тогда делать? Когда страшно – всё понятно, нужно изолироваться от источника страха и всех делов, а вот когда не страшно?

Обходя по кругу аллеи вокруг учебного корпуса раз за разом, мы, конечно, потеряли и первоначальную робость, и странное чувство сожаления даже стало одолевать нас – ну блин, ну так же интересно могло бы быть, а тут просто выскакивают бешеные мотыльки, да листья каштанов, в темноте похожие на огромные человеческие руки, машут приветливо южным тёплым ветерком. Все эти загадочные тени, движения и звуки тоже могли бы насторожить, а то и испугать особо впечатлительные натуры, но с нами таких не было. Даже если мы и обладали некоторой степенью впечатлительности, а вернее – мы точно ею обладали, то в данных условиях при всей предварительной подготовке и больших ожиданиях степень эта не работала абсолютно.

– Облом, да? – первым не выдержал Славик круге на четвёртом. – Ни тебе привидений, ни тебе упырей, ни котов учёных на деревьях!

– Слава, ну так ты что думал, что вот прямо с первого раза и клюнет? Мы же охотники. Терпение – наш ключ к успеху!

Но, в принципе, он был прав. Облом – именно то самое чувство, которое пришло на смену робости и дрожи в коленках, лучше и не скажешь.

Чтобы сменить обстановку и тем самым привлечь к нам внимание Судьбы, мы решили уйти с маршрута и побродить по корпусу – там именно это привидение никому не встречалось, но вдруг какое другое попадётся? Дусты утверждали, что и там встречалось им много необъяснимых вещей. Что было неудивительно вообще, если задаться себе целью проанализировать статус-кво химического факультета.

Факультет этот не был, условно говоря, родным для Голландии – изначально в ней предполагалось выпускать только нормальных инженеров для флота, а химический был переведён из Баку только в 1985 году, хотя само Каспийское училище просуществовало до 1992 года. Чтоб бедные дусты не чувствовали себя обделёнными, им построили отдельную казарму – не в пример остальным – современную, красивого внешнего вида и со всякими излишествами в виде душевых и прочих мелких пережитков сибаритства. Правда, в учебный корпус допустили их не сразу и неохотно. В основном занимались они в здании, где находилась самая загадочная в инженерном училище кафедра морской пехоты (до сих пор не понимаю, для чего будущему инженеру перед допуском к грааю инженерных знаний на первом курсе полагалось изучить тактику морской пехоты и сдать по ней зачёт) и в своём отдельном учебном корпусе.

С появлением химиков жизнь в училище несомненно оживилась и заиграла новыми творческими нотами. Раньше ведь как приходилось враждовать? Со смежными в определённой степени специальностями – управленцам с турбинистами, спецтрюмным с перегрузчиками и всем им – с электриками от неизбежной зависти за то, что они единственные жили в общежитии прямо с первого курса. Не, ну а как – белая кость всё же. А тут – химики! Это как в клетку с тиграми бросить кролика – в этом сравнении принимать в расчёт нужно только сам эффект такого поступка, без окрашивания его кровью. Да и слово «вражда», которое я написал выше, имеет не совсем тот смысл, который в него обычно вкладывается – здесь это, скорее, такой разовый синоним гусарства, чем вражда по классовым или каким другим признакам. Видимая вражда без признаков вражды и без цели в ней победить – лучше и не скажешь.

Химиков сразу все полюбили – теперь появился повод, по которому можно, наконец, объединиться и выступить одним фронтом! К чести химиков стоит заметить, что приняли они всё это с пониманием и должным достоинством. Своей ролью они даже гордились, что не может не говорить о том, что ребята-то они были отличные, ну вот просто им не повезло с выбором специальности.

Например, традиционным считалось обливать химиков водой, когда они шли в баню (именно на пути туда; на пути обратно, когда они шли чистые и распаренные, никто этого не делал), а шли они мимо всех факультетов. Или кричать им хором во время проведения футбольных кубков училища: «Дусты! Отдайте наши казармы!» Сначала это было просто смешно, а потом превратилось в ритуал.

Об обособленности этого факультета может ещё сказать тот факт, что внутри училища можно было переводиться с факультета на факультет (если, например, при поступлении не добрал баллов на желаемый), но на моей памяти никто не переводился на химический, как, впрочем, и с него тоже: если и уходили, то только за ворота.

Ну и вот теперь представьте, как бурлила фантазия в части подлёбывания этих загадочных и не совсем понятных существ – химиков. В ход шло всё, что могло идти в ход, и особенно то, что могло бы намекать на сверхъестественную природу: хлопанье ставнями пустых помещений, вывешивание простыней на верёвках, загадочные звуки и прочие шелестения в ночной траве. А химики же верили во всё, как дети, и рассказывали потом тебе же, как вчера они видели окно само собой открывающееся и закрывающееся (что ты и так знаешь, потому что сам

же это и делал), но добавляли столько деталей в виде блеклых силуэтов, нагрянувших на луну туч и уханья филина (филина, блядь, в Севастополе в бухте Голландия – ну вы только подумайте!), что хотелось вот прямо погладить их по голове и сказать: «Как же вы теперь дальше-то жить будете? Я даже не представляю». Непременно с тоской в голосе.

Наше со Славиком топанье по учебному корпусу ожидаемо принесло два результата. На нас наорал караульный, что мы заебали тут топтать всю ночь и, может, уже успокоимся и уснём где-нибудь, как нормальные люди, и очень удивился дежурный по училищу: за всю свою долгую службу он, скорее всего, впервые видел такой исправно работающий парно-пожарный дозор, о чём и упомянул на следующий день, приказом по училищу отметив нашу ответственную службу.

И это было бы хорошо, но цели такой мы себе не ставили, поэтому, отмахнувшись от славы и почестей, в нетерпении начали ждать второго заступления на службу. А потом третьего, а потом четвёртого, а потом уже не так сильно пятого и уж совсем разочарованно – шестого.

К этому времени уже подходил к концу бархатный сезон (который так назывался, потому что дамы, отдохавшие на курортах в стародавние времена, нежась от жары днём, к вечеру вынуждены были надевать бархатные наряды, чтоб не мёрзнуть от неожиданной вечерней прохлады – это нам командир роты так рассказывал), и начались роптания на тему «а чего это только их в парно-пожарный дозор расписывают? Остальные лысые, что ли?» Правда, эти роптания пресекались заместителем командира взвода универсальным военным ответом: «А тебя ебёт?» Но и без роптаний мы со Славиком уже достаточно разочаровались в своём предприятии и, не имея большой веры в самом начале, к данному этапу лишились её практически полностью. Кроме того, не высыпаясь в этих дозорах, как нормальные люди, мы заметили некоторое отставание по парочке зубодробительных предметов – сопротивлению материалов и теоретической механике, что при дальнейшем нашем попустительстве однозначно привело бы к отсутствию зимнего отпуска и пересдаче зачётов в «академии» – так в народе называлась учёба в то время, когда все остальные убывали отдыхать.

– Ну что, Славик? Ещё раз и закрутляемся?

– Давай два!

– Ну хорошо – давай два. Вот ты оптимист, конечно, да.

– Это ты стихами сейчас говоришь?

– Я всегда стихами говорю, просто вы, мелкие людишки, их не слышите!

Шестой наряд начался для нас так же обыденно, как и предыдущие, за исключением того, что непонятого смятения мы не испытывали совсем и были одеты в бушлаты по причине ночной свежести. Топая по тёмным аллеям, мы строили планы, обсуждали возможности и прикидывали варианты, совсем уже позабыв об истинной цели нашего здесь нахождения, как вдруг Славик замер на месте, будто упершись лбом в невидимую стену, и судорожно схватил меня за рукав. По дрожи его пальцев и тому, как цепко они ухватили меня за рукав бушлата, я понял, что надо заткнуться и медленно посмотреть вперёд.

Впереди, метрах в двадцати от нас, в курилке слева от асфальтовой дорожки сидел силуэт в белой тужурке и белой фуражке. Фонарь желтил его контур и размывал края, вокруг которых вилась какая-то дымка – силуэт был неподвижен и задумчив, если так вообще возможно сказать про силуэт.

Испугались мы в тот момент или нет, я не знаю. Мозг мой говорит мне, что нет, но вместе с тем он услужливо подкидывает картинки, как сразу вокруг зазвенела тишина, как сразу весь мир отдалился, будто отодвинутый чьей-то рукой, и какими маленькими мы казались себе в тот момент. И всё это позволяет сделать логическое предположение, что да – струхнули немного. Хорошо, что не подвёл адреналин и тщательная подготовка – мы достали из карманов мешочки с солью и приготовились... вот даже и не знаю, к чему точно, но тогда было чёткое ощущение, что к чему-то мы точно приготовились.

Между тем дымка вокруг силуэта как будто растаяла, и он абсолютно неожиданно для нас поднял руку с тлеющим в ней огоньком сигареты, глубоко затянулся и выпустил новый клуб дыма вокруг себя. При этом что-то звякнуло... Мать моя, да это же кортик! Как пить дать кортик!

– Ну чего вы там застыли-то? С самохода крадётесь, туристы?

И силуэт развернулся к нам. Не, ну понятно, что привидения если и существуют, то вряд ли курят, но за секунду, в которую это произошло, было не до таких мелких нюансов.

– А, это вы? Дежурите, что ли, не спите? Молодцы, огурцы!

Это был дежурный по училищу – начальник нашей кафедры автоматики, невысокий, пухленький, очень улыбчивый и всегда крайне позитивно настроенный.

– Да что вы там застыли-то, как мухи в сиропе? В лужу с клеем попали?

Несмело семеня, мы подоברались к курилке и как-то пролепетали какой-то доклад о том, что всё в порядке – страх даже если и был, то уже отступил, но какая-то странная опустошённость не давала пока собраться обратно.

– А что у вас в руках?

– А... соль.

– Соль?

– Соль.

– А зачем вам соль?

– Ну... так. На всякий случай.

– Так. Садитесь и рассказывать. Мне сорок лет, и из них двадцать два я провёл на флоте – ох уж и наслушался, доложу я вам, про эти навсякие случаи. Курите и говорите.

Ну а что делать-то? Ну не на пикник же мы шли с двумя пакетами соли, верно? Рассказали, конечно, всю эту историю.

– И бельё наизнанку надели?

– Ага.

– И соль с собой взяли?

– Так точно.

– И не страшно?

– Ну как бы... нет.

– Слушайте, а молодцы вы, хочу я заметить. Вот это я называю системным подходом! Не зря вот мы вас на нашу кафедру-то взяли. Только вы вот этот системный подход к учёбе бы проявляли, а не к поиску потусторонних сил, а то звоночки тревожные поступают от одной моей подруги, знаете ли.

Да знаем – с преподавательницей по теоретической механике они были очень дружны.

– Ну и вот давайте теперь займёмся нашим любимым делом – будем анализировать. Вот с чего вы взяли, что в этих рассказах про привидение лейтенанта есть какая-то правда? Вот какие основания, если не брать в расчёт вообще антинаучность этого явления?

– Ну как же... Ну а почему бы и нет?

– Нет, это антинаучный подход. Научный подход – «почему же всё-таки да?». Вот какие у него основания здесь появляться? Не на кладбище, где он похоронен, не на месте, где служил, а в училище, из которого он успешно выпустился?

– Ну... люди говорят, что курсанты наши, когда его выносили, понесли его не ногами вперёд, а головой.

– Люди. Люди всегда говорят! И если бы люди всегда говорили, предварительно подумав, то мы уже давно научный коммунизм построили бы в отдельно взятой стране! Хорошо. Давайте рассуждать логически – ну понесли его головой вперёд, и что?

– Может, это обидно как-то для покойника, кто его знает.

– Ну вот когда вас пьяных из увольнения несут, вам не всё равно – головой несут вперёд или ногами?

– А я никогда до такого состояния не напивался! – честно говорю я.

– И я, – врёт Славик.

– Допустим. Теоретически предположим, что напились – будет вам разница?

– Да нет.

– А вот теперь расширяем горизонты сознания: если вам, пьяным, но живым, всё равно, как вас несут, то мёртвым, но трезвым как будет? Ну, если теоретически продолжить рассуждения.

– Да наверняка тоже всё равно.

– Ну. Так и что у нас в сухом остатке?

– Что?

– Ложь, пиздёж и провокация – вот что! Эх, до чего же я логику люблю!

– Тащ капитан первого ранга, разрешите вопрос!

– Разрешаю.

– А чего вы в белой тужурке?

– А у нас партсобрание завтра – жена подшила дома и принесла, вот я и примерил, пока сижу тут и курю.

И он похлопал рукой по нормальной чёрной тужурке, которая была аккуратно сложена рядышком с ним на скамейке.

– Так нет, получается, привидения-то?

– Какое-то сожаление я слышу в вашем голосе, юноша.

– Ну да. Привидение – это же романтика. Загадочность там, всё такое.

– Есть привидение, нет привидения – вот бы мне заботиться только об этой проблеме, Маркс меня побери! Какая разница – есть оно или его нет? Нравится вам думать, что оно есть, – так пусть будет! Кому оно мешает-то? Разве только вам в учёбе! Ну давайте, говорите уже, что больше так не будете, да расходимся.

Мы сказали, конечно, но ещё в пару нарядов сходили на всякий случай. Кроме того, не так-то легко, знаете, свыкнуться с мыслью, что мечта твоя недостижима просто потому, что её нет. Но так как легенда эта всем нравилась и охотно передавалась из уст в уста, мы со Славиком решили пусть и не отловить привидение, но хотя бы укрепить веру в него.

Шпионским путём разузнав, когда в дежурный взвод заступают дустовские первокурсники (сами мы уже были на втором курсе), мы раздобыли простынку, оставили в кроватях куклы на случай проверки, предупредили дежурного по роте, что мы в самоход (дело святое), выскользнули из общежития, спрыгнув со второго этажа, и залегли на косогоре, по верху которого и шла та самая тропинка. Простынку мы укрепили на кусте шелковицы и прикрыли веточками, чтоб издали не светила. Планирование – ключ к успеху, точно вам говорю! Тихо перешёптываясь, мы лежали и ждали – были уверены, что первокурсники непременно будут делать обход: наглость-то у них ещё не отросла. И точно – вскоре по асфальту зацокали прогары. Юные, но уже дусты, шли и громко рассуждали о методах охмурения женского пола, как будто в восемнадцать лет об этом можно хоть что-то знать – цирк, да и только. Когда они подошли к условленной точке, я пнул Славика ногой, и мы верёвочками раздвинули ветви.

– У-у-у-у-у! – сказал при этом Славик самым зловещим голосом, на который только был способен.

До того самого момента я был уверен, что слово «врассыпную» можно применить только к группе людей от отделения и выше – о, как я ошибался! Дусты ринулись врассыпную вдвоём так, что даже пули врага их не догнали бы.

– Славик, ну что за «У»? Ну каждое приличное привидение должно говорить «Оу», а не просто «У», ну мы же репетировали!

- Это был экспромт, что ты понимаешь! Смотри, как бегут – Бен Джонсон не догонит!
- Это точно. Сразу видно – спортсмены!

Ну а на следующий день всё было как положено: «Его опять видели!», «Вон те двое посевших юношей! Лицо обгорелое! Руки к ним протягивал и звал! Заунывно так! И кортиком звякал!».

– Надо же, – бурчал Славик, – вот уж не предполагал, что от одной простынки может быть такой реалистичный эффект.

На этом я и закончу свой первый рассказ о встрече со сверхъестественными силами. Самое важное, на что хотелось бы обратить внимание во всей этой беллетристике: «Планирование – подготовка – терпение – решительность в нужный момент». Запишите, а лучше выучите назубок.

И скажу вам, чтоб подвести некоторый итог: привидения, несомненно, бывают, мало того – я сам был одним из них.

Горец

А скажите-ка, положив руку на сердце или на тот орган, которым вы больше дорожите, часто ли вам в голову приходят лихие идеи с неясными для науки очертаниями их результатов? Не эти детские «скрестить ужа и ежа», а по-настоящему лихие – без компромиссов и оглядок на гуманность и правила устройства Вселенной? Не настолько безумные, как не подарить своей девушке веток серебристой акации на Восьмое марта, а в пределах некоторой разумности: что, например, будет, если добавить к телу кролика удал ягуара и мозг дельфина?

Мне вот это точно в голову не приходит уже давно по причине того, что результат этого генетического эксперимента я наблюдал воочию в течение нескольких лет. И звали этот эксперимент по документам Кириллом, а по жизни – Горцем.

С виду абсолютно невозможно было угадать в нём мутанта. Обладал он заурядной деревенской внешностью, был средненького росточка, невероятно бледен, худ почти на грани приличия, сутул и лохмат даже тогда, когда стригся ёжиком. Учился только на пятёрки, и красный диплом светился на его лбу с первого курса так ярко, как не у всех прыщи горят в юношеском возрасте.

Триггером, включавшим у него суперспособности, служил алкоголь: Горец с ним не дружил. Вернее, он-то с ним дружил и очень уважал, а вот алкоголь взаимностью не отвечал и напрочь сносил ему крышу чуть не с первого стакана. Делая при этом бессмертным.

Тихий и спокойный в повседневной размеренной жизни, необычайно добрый и приветливый, Кирилл нравился всем. Начальству – за то, что не имел замечаний по службе, товарищам – за то, что безотказно помогал в курсовых, рефератах и лабораторных, а преподаватели так вообще на руках его готовы были носить из аудитории в аудиторию за светлый пытливый ум, вежливость и таланты к любым без разбора наукам. Но коварный алкоголь загонял личность Кирилла на самые дальние задворки его сознания, выпуская наружу Горца. И это был форменный пиздец, кратко доложу я вам, чтоб не заводить рака за камень.

Горец, в отличие от Кирилла, не видел границ вообще – ни моральных, ни физических. Он обладал буйным нравом дикого мустанга с тягой к приключениям и опасностям, как у героев Жюль Верна, только сильнее. Намного сильнее. Вырываясь наружу из тщедушного тела Кирилла, Горец бешено вращал красными глазами, рычал, брызгал пеной отовсюду и перманентно искал, чем бы себя убить – по всей видимости, не находя уюта в своём бессмертии. Горец разбивал об голову военные телефоны, рассчитанные на прямое попадание артиллерийского снаряда, перекусывал электрическую проводку под напряжением, прыгал по балконам четвёртого этажа, дрался с патрулями, милиционерами и всеми, кто казался ему подозрительным, плавал в море в любую погоду и рвал на себе одежду. Ох, как он любил рвать на себе одежду!

На следующий день, вернувшийся из заточения, Кирилл ничего не помнил, удивлённо хлопал глазами на рассказы о своих подвигах и обречённо вздыхал, глядя на свои разорванные тельняшки, фланки, бушлаты и шинели.

– Вы всё врётё? – с дрожью надежды в голосе уточнял Кирилл. – На мне ведь ни синячка, ни царапинки...

Это-то и было самым удивительным. Горцу не причиняли вреда ни кулаки, ни дубинки, ни гравитация, ни даже всемогущий электрический ток! Мало того, даже эбонитовые телефоны не оставляли на нём ни малейших отметин.

– Это что такое? – спрашивал утром командир, тыча пальцем в тушку очередного разбитого телефона.

– Упал, – докладывал дежурный по роте.

– Кто упал?

- Телефон упал.
- Куда упал? В Марианскую впадину?
- Никак нет. С тумбочки на пол.
- Вот с этой тумбочки вот на этот пол?
- Так точно!
- Сочно! Я что, на дебила похож? Вот скажи мне, я похож на дебила?

И в подтверждении своих слов, не дожидаясь ответа, сбрасывал телефон с тумбочки на пол. Даже разбитый этот телефон ожидаемо не получал дополнительного вреда, чего нельзя было сказать о линолеуме, на который он падал.

– Или ты сейчас показываешь мне новую дырку в асфальте под окном и приводишь тушку того, кто его скинул, или готовься заступать сегодня по второму кругу.

И приходилось заступать по второму кругу, да. А как иначе? Потом уже телефоны прятали от него, если успевали. Поняв, что появление альтер эго – это инвариантная традиция, стали назначать ответственного дежурного по Горцу вытягиванием спичек.

В обязанности дежурного по Горцу входило сидение с компанией в абсолютно трезвом состоянии. При этом дежурному надо было делать вид, что он пьёт, и притворяться пьяным, потому как Горец не выносил абсолютно, когда в его компании сидели и не пили, а потом бегать за Горцем и страховать его от увечий, начальства и разорванной одежды. С последним было особенно сложно. Хорошо, что тогда уже появились степлеры, и можно было оперативно привести его в более-менее приличествующий вид. Да и с остальным не очень выходило – если бы не демоническое везение Горца, то всё неизвестно чем и закончилось бы.

Шли мы однажды с ним по улице Гороховой под утро то ли из «Вислы», то ли из ещё какого не менее аристократичного места, но точно несколько заплетающимися ногами. Вдруг Горец увидел машину на тротуаре. Машина была чёрного цвета, не то «Мерседес», не то «БМВ», и спереди сидели два классических «братка». Слюнявя пальцы, они сосредоточенно считали американские деньги, которые пачками были разложены везде вперемешку с пистолетами.

– А-а-а-ааа!!! – заорал Горец. – Пидарасы!!!

И ринулся к машине.

Схватив пальцами пустой и стылый питерский воздух, в тот же миг ставший неожиданно неуютным, там, где только что была его куртка, я моментально начал трезветь, наблюдая, как он бежит вокруг машины, бьёт её по колёсам ногами и по капоту руками, непрерывно вызывая на бой «безмозглых животных», «рогатых тварей» и «одноклеточных амёб». Да, точно, это был «мерс» – Горец прицел же ему пытался отломать. До сих пор не понимаю, отчего нас тогда не убили. Видимо, бандитам было просто лень прерывать счёт и заново потом всё перемусоливать и перетягивать резиночками. Они только лениво помахали – мол, проходите, детишки, ну что вы, в самом-то деле, безумства какие-то вытворяете в столь прекрасное раннее утро. Очнувшись, я подхватил Горца на руки и побежал с ним в училище, как Прометей с огнём бежал к людям, а может, даже и быстрее.

Хотя это ещё не самая замечательная история с его участием, это просто зарисовка – самую замечательную сейчас расскажу.

Учились мы тогда в Обнинске, и учёба эта была несколько странной – заточен учебный центр был под определённые проекты лодок, но попадём мы на них после выпуска или нет, не знал ещё никто. Я, например, точно знал, что буду проситься на «Акулу», и в старые советские времена меня уже на этом этапе отправили бы в Палдиски, но где сейчас был тот СССР и тот Палдиски? Ну и сидели мы там, вяло изучая устройство подводной лодки не скажу какого проекта. От скуки и бурлящей во всех местах тяги к героизму, конечно же, приходилось в основном пьянствовать. Ну не постоянно, конечно, и не прямо все, но на выходных-то да, старались не покрываться мхом и катились, кто куда мог.

В один из очередных понедельников нас неожиданно выстроили всех в холле общежития и приказали ждать начальника учебного центра. Не, ну ждать – не мешки ворочать, спина не болит, правильно? Отчего бы и не подождать. Ждём, шушукаемся и строим версии, что сейчас будет-то. Может, медалями награждать станут или именным оружием, например, а может, паёк увеличат или там телевизор цветной в холле поставят вместо этого чёрно-серого «Рубина». И как только разговоры дошли до падших женщин (а любые разговоры юношей всегда доходят до падших женщин), пришёл начальник учебного центра. Был он мрачен, как черничный кисель, из чего сразу стало понятным, что ни медалей, ни телевизора нам не видать. Походив вдоль строя и насверлив в нас дырок глазами, он наконец остановился посерединке и, посмотрев некоторое время в пол, начал удовлетворять пожар нашего любопытства:

– Жизнь сложная штука, да?

– Да-а-а-а...

– Пизда! Откуда вам знать-то, дрищи малолетние? Слушайте молча, стойте. Дакают они, как дятлы. Ты! Выйти из строя!

Кирилл вышел из строя и немедленно сделал виноватый вид: покраснел ушами и опустил глаза.

– Вот служишь ты такой, служишь, гниёшь на северах, потом в академии учишься, в штабе штаны просиживаешь, получаешь полковника и назначение начальником учебного центра. Ну скажите же: довольно серо и обыденно, правда? Что за жизнь такая без ярких лучей света, правильно? И тут. Приезжают к тебе очередные курсанты, типа учиться: по служебной необходимости и от чувства глубокой ответственности за выполняемую работу ты листаешь их личные дела с выписками всякими и табелями, и тут: оргазм! Натуральный, доложу я вам, оргазм предвкушаешь, когда попадают документы этого. Там пятёрками прямо насрано везде: куда ни плюнь, сплошные грамоты, благодарности, поощрения и эти пятёрки по всем предметам. И такие, знаете, жирные уверенные пятёрки – шестёрки почти, а не то что хиленькие, натянутые оценки. Вот, думаешь ты себе, вот он – смысл твоей никчёмной жизни: взять под крыло этого самородка и уберечь его от пагубного влияния военно-морского флота! Затребовать немедленно после выпуска и назначить его преподавателем, чтоб научить, наконец, этих подводников, как правильно клапана крутить и кнопки нажимать. Окрылённый вновь обрётённым предназначением, ходишь неделю, другую, уже черновик рапорта набрасываешь Главкому ВМФ... Как звонит телефон. Кто говорит? Начальник ОВД города Обнинска! Что он говорит? Он, хлюпая слезами в трубку, говорит, что не соизволю ли я быть так любезен и не выслушаю ли от него рапорт дежурного наряда милиции, который он прямо сейчас держит потными пальцами. Ну отчего же не соизволить, например? Может, человеку душу излить некуда, а для чего ещё нужен офицер военно-морского флота, с точки зрения сухопутного населения? Конечно, говорю, зачитывайте, выслушаю со всем возможным вниманием, несмотря на крайнюю занятость. Ну он говорит, что весь зачитывать не будет, так как он на четырёх листах, а зачитает основными фрагментами, чтобы передать суть. А эта самая суть заключается в том, что вчера вечером дежурный патруль, прогуливаясь у ресторана «Версаль», обнаружил там трио крайне выпивших молодых людей, в чём не заметил ничего подозрительного, так как для чего ещё ходить в ресторан, как не выпивать? Ну не поесть же марципанов, в самом деле! Люди эти курили в мусорку, чем даже импонировали милиционерам, и те двинулись было дальше следить за порядком, но не тут-то было! Самый худой, бледный и неопасный с виду юноша неожиданно обратился к ним с вопросом, отчего же они, такие все стражи правопорядка, не делают им хотя бы замечания за нахождение в общественном месте в непристойном состоянии? Патруль ответил, что видали они и непристойнее состояния, и посоветовал ребятам отдыхать дальше, не отрывая их от несения дежурно-постовой службы по плану. Ах так, скотины, прокричал им тот самый юноша, а это вы видели – и с этими словами разорвал на себе рубаху. Чего там видеть-то, удивились патрульные: ни сисек, ни наколок. Ах так, снова закричал тот самый

юноша и бросился к ним с явным намерением вступить в бой. Двое остальных пытались его удержать, просили не обращать внимания и вели себя вежливо. На тот момент. Но удержать у них не получилось, и дежурным пришлось вступить в неравный бой, и на всякий случай они вызвали себе подкрепление. Когда подкрепление подъехало, бой уже кипел вовсю: милиционеры вместе с товарищами нашего д'Артаньяна пытались уговорить этого самого д'Артаньяна, ловя его и лениво отмахиваясь дубинками. Но несмотря на свой тщедушный вид, он оказался вообще неуговоримым: наносил разрозненные удары всем подряд, ловко маневрировал и при этом ещё давал советы бить его дубинками по ногам, а не по голове, потому что по голове его бить бесполезно, а если по ногам, то у них хотя бы будет шанс завалить его и скрутить. Увидев подъехавший «уазик», друзья д'Артаньяна, очевидно, Атос и Арамис, закричали: «Ах, так?! Все на одного?!» И началось. Как будто до этого и не начиналось. Дрались уже все со всеми, и чтоб не дать ситуации выйти из-под контроля, вызвали ещё милиционеров в подкрепление. В итоге четыре! Четыре – наряда милиции общим количеством в одиннадцать человек скрутили наших трёх мушкетёров и загрузили их в дежурный «уазик». Далее цитирую дословно: «После этого дежурная машина с песней про усталую подлодку направилась в отдел милиции». Хули вы ржёте? Это ещё не всё! Утром, придя на службу, начальник ОВД, по счастливому стечению обстоятельств мой хороший знакомый и в некотором роде даже друг, обнаружил что бы вы думали? Что все они сидят дружно в дежурке и пьют чай, макая в него печенюшки, при этом разучивая песни про подводников. И только что не целуются. На удивлённо поднятые брови милиционеры слёзно просили сурово ребят не наказывать, потому что ребята-то хорошие оказались, душевные такие, из Севастополя и на подводников учатся. И вот что мне делать? Это он у меня спрашивает, а не я у вас – не надо тут рты разевать. Я бы, конечно, вас...

И начальник учебного центра потряс сжатым кулаком, показывая, как бы он их что-то там.

– Ты, – обратился он к Кириллу, – испытываешь горькие сожаления от бездарно профуканной карьеры преподавателя в тёплом учебном центре близ Москвы?

– Никак нет! Я не хочу преподавателем. Я на флот хочу.

– В ебенья?

– А хоть даже и дальше.

– Глубже.

– Что глубже?

– Говорить надо не дальше, а глубже, когда речь про флот идёт. Вот отличник круглый, а такой дурак. Итак. Моё решение. В субботу у милиционеров субботник по случаю наступления весны. Ты и двое твоих подельников отправитесь туда с самого утра и отмоете все окна на втором этаже так, чтоб мы с женой шурились от нестерпимого их блеска, прогуливаясь там перед закатом. А если шуриться не будем, то рапорт этот я лично направлю дальше по инстанциям. Всё ясно? Стать в строй!

Конечно, никуда бы он рапорт не отправил, что точно знали и мы, и он, и он знал, что мы это знаем, но что это меняло? Конечно же, ничего, и Горец с подельниками драили те окна всю следующую субботу. Благо у милиционеров тоже есть обязательная подписка на какую-то их газету и было чем.

Окончив училище с красным дипломом, Горец отправился служить куда-то на Камчатку, и следы его там для меня со временем растаяли, но пока были видны, то и там всё было сплошь в пятёрках, условно говоря, куда ни плюнь. Правда, я ни одного милиционера из тех мест не встречал, так что про остальное сказать не могу.

Какую основную мысль следует вынести из этого рассказа? Пить – вредно, а дружить – полезно. То есть если пить с друзьями и следить за мозгом, то не так уж и вредно это выходит. Плюс на минус даёт минус только в математике, открою вам такой секрет, а в осязаемой жизни – иногда даже и восклицательный знак может получиться.

Притихший северный город

– Севасто-о-о-оополь! Севасто-о-о-оополь! Город р-р-р-р-русских маар-р-рико-о-ооф! – В конце этой серенады Славик икнул и неожиданно сбился на верхние октавы. Дежурный наряд милиции Витебского железнодорожного вокзала захлопал в ладоши, а редкие прохожие бросили даже каких-то денег в футляр от аккордеона. Случайный дедушка, который начал подыгрывать Славике по велению души и из чувства прекрасного, презрительно вытряхнул деньги в мусорный бак, сложил аккордеон и поковылял дальше по своим дедушкиным делам.

– Откуда вы такие красивые? – поинтересовался у нас со Славиком наряд милиции.
– Из Севастополя!

Милиционеры неуверенно переглянулись и уточнили:

– На электричке приехали?

– Ну дураки вы, что ли? Разве можно из Севастополя на электричке приехать? На электричке мы из Пушкина сейчас приехали!

– На экскурсии были? – опять уточнили милиционеры, отмахиваясь от нашего перегара.

– Ну не-е-е-ет же! Ну, разве можно на экскурсии так напиться? Мы были у друзей из стройбатовского училища, соревновались, кто больше может выпить водки, оставаясь в сознании!

– Выиграли, судя по всему?

– А то! И у вас ещё сейчас можем выиграть!

– Не, ребята, нам нельзя – мы же на службе!

– Ну а мы где, по-вашему? На променаде, что ли? Мы тоже на военной службе, только в увольнительной!

– И куда вы сейчас пойдёте, позвольте полюбопытствовать, если это не военная тайна, конечно?

– В Адмиралтейство! Куда же ещё отсюда можно пойти?

– Так два часа ночи уже, и метро не работает.

– И улица Гороховая, может быть, не работает?

– Ну нет, конечно. Просто поздно уже и идти далеко – может, вам машину вызвать из отделения, чтоб вас довезли?

– Да уж дудки – знаем мы эти ваши приколы! Сами уж как-нибудь дойдём!

Чего тогда Славик решил запеть на перроне, он сам вспомнить не мог, но предполагал, что исключительно от чувства восхищения тем, какой, сука, всё-таки грандиозный этот Питер, в который он приехал буквально пару дней назад из своего родного Севастополя. Я к тому времени жил здесь уже несколько месяцев, что делало меня уже практически коренным петербуржцем в глазах Славика. Дошли мы довольно быстро, за чуть более чем два километра почти не попав в приключения. Подарили только мою красивую чернильную ручку бродячей собаке, оттого что нам стало её жалко, и немного поскандалили в массажном салоне «Багира. Для состоятельных господь».

– Слушай, а мы с тобой господи? – спросил Славик, увидев вывеску.

– Ну отчего же не господи, если мы в полтретьего ночи стоим посреди улицы в рубашках и брюках? Вполне себе господи, я считаю!

– А состоятельные?

Мы пересчитали мятые купюры и решили, что не то чтобы да, но и не совсем нет.

– Так хочется массаж! Да?

– Ну-у-у-у. Не знаю, Слава, вроде бы и нет.

– А мне вот – да! Пойдём-ка зайдём в это замечательное заведение!

От обилия бархата лиловых тонов, блёсток и наличия полуголой женщины за конторкой меня начали терзать некоторые сомнения по поводу массажности этого салона, но Славик к алкоголю был менее устойчив и уж если он хотел массажа, то даже полуголая женщина не могла его от этого отвлечь.

– Здравствуйте! – улыбнулась нам женщина всеми своими сиськами. – Чего желаете?

– Массажа! – заявил Славик. – Понятно же, что не шавермы!

– Вы имеете в виду эротический массаж?

– Нет, я имею в виду обыкновенный массаж, такой, знаете, чтоб плечи помяли, шею и вот чтоб прямо легко в конечностях стало!

– Просто массаж?

– Ну да, вы же массажный салон – именно так на вывеске и написано!

– Ну... мы как бы не совсем массажный салон... нет, мы, конечно, можем и массаж сделать, но именно вот массажа у нас нет в преysкуранте...

– А что у вас есть в преysкуранте? – удивился Славик.

– Ну вот, – и растерянная женщина протянула Славику бордовую папку.

– Да ладно? – Славик внимательно изучил оба листка в папке. – Вы любовь, что ли, за деньги продаёте?

– Нет, только сексуальные услуги.

– И никакого массажа?

– Ровным счётом никакого!

– Это возмутительно! Подайте жалобную книгу!

Женщина позвонила, и через пару минут откуда-то из-за шторы появился улыбочивый человек с золотым зубом, щетиной и в малиновом пиджаке:

– Добрый вечер, господа! Я хозяин этого заведения – Рустем!

– Да мы видим, что не Петя! – буркнул Славик.

– Чем могу вам помочь?

– Я вас не вызывал, я требовал подать мне жалобную книгу! – стоял на своём Славик.

– Зачем ругаешься, брат? Зачем жалобная книга, э? Два года работаю – никто не жалуется, все довольны! Чем ты недоволен, скажи?

– У вас на вывеске что написано? «Массажный салон». А массажа-то вы как раз и не делаете!

– Брат, ну а что мне на вывеске написать? Публичный дом? Мы же в Питере, брат, здесь всё же культурно должно быть! Ну, хочешь я тебе массаж сделаю, по-братски?

– Ну уж нет. Какой-то ты страшный! Пойдёмте прочь, Эдуард, из этого вертепа пороков и страстей!

Ну а оттуда уже два шага было до нашей тогдашней альма-матери. Даже несмотря на то, что училище имени Феликса Эдмундовича в те времена было рассадником демократии, либерализма и вольнодумия на флоте, всё-таки не принято было являться туда в три часа ночи пьяным через центральный КПП – можно было сильно огорчить дежурного. Для этих целей существовали специальные ворота в Черноморском переулке – метра четыре высотой и с красивыми коваными пиками поверху – как мы там перелазили в ту ночь, мы не помнили, но поутру устроили там минуту молчания.

– Вот мы дебилы, да? – спросил Славик, любуясь пиками.

– Ага. Но судя по всему, довольно ловкие дебилы, раз в нас никаких новых дырок не образовалось.

С тех пор мы решили, что приводить себя в непотребное состояние будем только внутри. Или ночевать на улице, в крайнем случае.

Одну страшную тайну я знаю про город Санкт-Петербург и всё хочу вам её рассказать, но как-то смущаюсь, зная горячий и мстительный нрав его коренных обитателей. Вдруг мне

когда-нибудь придётся там побывать с визитом? Они вполне могут захотеть мне отомстить за раскрытие этого секрета или, например, объявить бойкот моей книге в своих магазинах – с них станется. Но с другой стороны, что там тех питерцев в мировом масштабе? Так что слушайте.

Все вы обязательно слышали эти истории про то, как в Питере сыро, всё время дожди сверху, болота снизу, сырость вокруг и «Пятьдесят оттенков серого» – это книга про жизнь там без наркотиков и алкоголя. На самом деле это всё миф, созданный самими петербуржцами и усиленно ими же распространяемая по всему миру дезинформация в рамках Всемирного Заговора против остального мира. Они будут вас уверять в этом со слезой на голубом глазу, предъявляя данные метеорологических исследований с тысяча девятьсот пятого года, согласно которым за сто одиннадцать лет в их городе было ровно одиннадцать солнечных дней. Но весь фокус состоит в том, что они сами же эти исследования и сфабриковали у вас за спиной. Просто эти милые (с виду) жители города ревнуют его красоту к вашим таганрогским глазам и берегут его священные мостовые от ваших рязанских подошв, родные гранитные парапеты от ваших московских жоп и кованые ограды своих милых мостов от ваших тверских ладоней. Так знайте правду – на самом деле в Питере нереально красиво, атмосферно, уютно, вкусно и интересно буквально на каждом углу. Если вы там никогда не были – срочно сдавайте билеты в Турцию, Испанию и Коста-Рику и немедленно первым же рейсом летите туда и убедитесь в правоте моих слов! Главное, не забывайте ходить по городу с недовольным лицом уставшего от этой красоты сноба – тогда вполне сойдёте за своего. Но сильно на это не надейтесь, конечно, – чутьё у них будь здоров!

Сняли у нас два знакомых курсанта Паша и Коля как-то комнатуху в коммуналке недалеко от площади Восстания. Сняли они её довольно дёшево по причине того, что из мебели в комнате были только фикус на подоконнике и примус на газете в углу. То есть довольно уютная комнатка, и на учёбу близко добираться, если бы не один маленький нюанс – изнеженные комфортом питерские барышни отказывались отдаваться Паше и Коле более одного раза на фикусе или примусе, требуя себе как минимум кровати или дивана. Нет, ну вы посмотрите на них, да?

Паша и Коля, не откладывая дел в долгий ящик, договорились со старшиной роты, и тот выдал им во временное пользование под честное слово две панцирные кровати из своих запасов. Спинки-то они отвезли без особых проблем, но вы бы видели удивлённые взгляды Горчакова, Лермонтова и Гоголя (хорошо ещё, что Пржевальский с Гераклом не видели за деревьями), когда они тащили мимо их памятников саму сетку (две за раз решили не брать) прямо на троллейбусную остановку в аккурат на пересечении Адмиралтейского и Невского проспектов. Мы со Славиком как раз решали на ней, куда отправимся сегодня вкушать прекрасное глазами, как Паша с Колей, оба в военно-морской форме, растолкав удивлённые стайки иностранных туристов, впихнули панцирную сетку на заднюю площадку троллейбуса. На это стоило посмотреть, и поэтому мы со Славиком запрыгнули туда же. Троллейбус не сказать что был полон, но совсем и не пуст. Установив сетку поперёк заднего окна наискосок, Паша с Витей усталились красными ушами в окно, ожидая реакции публики. На последнем сиденье сидела бабушка – божий лепесток (круглые очки и фиолетовые волосы), а за ней здоровый мужик с двумя арбузами – один он держал на коленях, а второй, судя по всему, проглотил целиком. Остальные пассажиры интеллигентно не замечали курсантов с кроватью в троллейбусе.

– Вот же нахалы! – пробасил мужик с арбузами. – В троллейбус с кроватью!

Бабушка, которая до этих пор мило улыбалась, глядя на морячков, посуровела лицом, нахмурилась и тихо, но отчётливо произнесла:

– Понаедут тут из своей Москвы и командуют в наших троллейбусах!

– Отчего же понаедут? – удивился мужик. – Я коренной петербуржец!

– Коренной петербуржец, – отчеканила бабуля, – не заметит, как кто-то прольёт соус на скатерть, потому что он воспитан!

– Ну так то соус! А то – кровать!

– Ну и что, что кровать? А куда им девушек водить? Всё время по музеям, что ли? Надо же и на кровать! Стоило бы это понимать в вашем-то возрасте, немолодой человек!

– Но согласитесь, милая дама, что кровать в троллейбусе – это несколько неудобно!

Бабушка повернулась к мужику, сдвинула очки на кончик носа и взглянула на мужика с плохо скрываемым пренебрежением.

– Я в блокаду крыс ела и кору с деревьев, чтоб от голода не сдохнуть, – вот это было несколько неудобно. А это – всего лишь кровать в троллейбусе!

– Простите, погорячился! – густо покраснел мужик.

– Ну вот то-то же! – Бабулька отвернулась, поправила очки и, мечтательно заулыбавшись, продолжила смотреть в окошко.

Вот как вы считаете, отчего Петербург называют культурной столицей? Понятно же, что не из-за музеев и нескольких филармоний: музеи и филармонии много где есть, даже наверняка и в Хабаровске. А потому так называют, что там культурны все, включая алкоголиков и падших женщин, и все как один имеют аристократические манеры в своём поведении.

Решили мы как-то в пятницу устроить пенную вечеринку. Как любые нормальные мужчины традиционной ориентации мы признавали только одну пену – пивную. Поэтому утром, пока остальной класс изображал физкультуру в Александровском саду, мы со Славиком, вооружившись клеёнчатым китайским баулом и собрав деньги с участников, перешли в начало Гороховой улицы, где в те времена располагался чудный магазин «Три ступеньки». Стали там в очередь и принялись вздыхать в предвкушении. Классический алкоголик (треники, щетина, авоська, мешки под глазами), за которым мы заняли, повернулся к нам и говорит:

– А чего вы в очередь-то стали? Идите так, берите, мы же никуда не торопимся!

– Да что вы, что вы... – принялись было мы отнекиваться, но алкоголик обратился ко всей очереди:

– Господа товарищи! Давайте курсантов без очереди пропустим! Им же на занятия ещё идти!

Очередь, человек десять-пятнадцать абсолютно разношерстной публики (пара братков, домохозяйки, интеллигент в очках и костюме, алкаши, спортсмены и туристический гид), дружно загудела:

– Конечно-конечно! Идите! Чего вы там мнётесь-то в хвосте!

Отчего-то даже неудобно было покупать двадцать бутылок пива в такой дружественной атмосфере.

А сколько в Питере исторических мест – так это просто не сосчитать. Проще сказать, что весь Питер – сплошное историческое место, в нём можно гулять, гулять и гулять, разинув рот и непрерывно любуясь по сторонам. А какой колорит может вам встретиться, если повезёт!

То ли на Малой Конюшенной, то ли на Садовой была такая классическая питерская пончиковая, в которой подавали только чай (почти бесплатный) и хрустящие горячие пончики, полные воздуха внутри и сахарной пудры снаружи. Из неё на улицу периодически выходила невысокая полная женщина в белом колпаке и халате и кричала пронзительным высоким голосом:

– Пышки! Пышки! Свежие пышки! Горячие пышки!

И вот сколько бы ни было у вас силы и воли, но силы воли всегда не хватало, чтобы пройти мимо и не зайти за порцией этих пышек со стаканом чая – есть ли она на этом месте сейчас, интересно, и так ли вкусны те пончики? Может, кто сходит и разведает?

И не надо стремиться попасть в Питер во время белых ночей: так себе удовольствие, я вас уверяю. Эту фишку тоже придумали хитрожопые питерцы, чтоб вы, поддавшись на их восторги, попёрлись туда именно в это время года и подумали: «Ой, да ничего особенного – только сплошные толпы кругом». Не поддавайтесь на это и езжайте туда в любое удобное для

вас время года. И мосты, и Айвазовский, и Пётр Первый на коне ждут вас там круглый год. И «Аврора» тоже ждёт.

– Слушай, Эд, а чего мы почти год в Питере, а на «Авроре» ни разу не были? – спросил меня как-то Славик.

Я насторожился, потому что мы были несколько подшофе, а в таком состоянии у Славика тяга к приключениям росла в геометрической прогрессии.

– Ну так мы с тобой как коренные петербуржане с петербуржанками – они тоже никогда на «Авроре» не были!

– Ну мы-то не коренные! Мы-то скоро уедем в тундру! Давай собирайся – пошли!

На дворе стояла поздняя осень – чёрная, холодная и неласковая, поэтому, чтоб не замёрзнуть, мы спустили на специальной верёвке ведро с деньгами и запиской в кафе, которое было прямо под нашими окнами на Адмиралтейской набережной. Официант строго сказал «Ню фото!» иностранцам, прочитал записку и положил в ведро бутылку водки и сдачу. Подзаправившись и взяв с собой во фляжку, мы ринулись на штурм «Авроры», отчего-то решив, что военных моряков туда запускают круглые сутки. А оказалось, что нет.

– Как это музей закрыт? – удивился Слава на цепочку поперёк трапа. – Кому музей, а кому и отец родной! Я, может, только из-за мурашек от песни «Дремлет притихший северный город» во флот подался! Полезли!

– Кх, кх... – Милиционер, который гулял тут с автоматом, видимо, простыл от сырости, которой тянуло с реки. – Молодые люди, вам чем-то помочь?

– Да, товарищ милиционер! – согласился Слава. – Помогите нам вашим фонариком, а то в темноте затруднительно будет дизеля заводить!

– А может, вам и снаряд для пушки организовать?

– Нет, мы просто покатаемся, мы мирные военные моряки и переворотов устраивать не планируем сегодня!

– А откуда вы, позвольте поинтересоваться, такие мирные военные моряки?

– Из училища имени вашего Дзержинского!

– А как вы сюда попали?

– По Троицкому мосту прошли, чего сюда попадать-то?

– Ребята, – милиционер посмотрел на часы, – так его разводят через сорок минут, где вы ночевать-то будете? Нет, я могу, конечно, вас в отделении устроить или в военную комендатуру сдать, но, может, вы лучше домой? А на «Авроре» завтра покататься приходите, я сменщика предупрежу – он будет вас ждать.

– В военную комендатуру, конечно, заманчиво, да, Эдик? Можно же в камеру попасть, в которой Лермонтов сидел, это же, считай, как медаль получить!

– Да, Славик, но может домой? Там тепло и колбаса есть с булкой и кефиром.

– Эх, какие вы мелочные! Лермонтова на колбасу променять!

– Кто «вы»?

– Люди!

– А, да, есть такое! Ну, так докторская же и булка такая свежая, с хрустящей корочкой румяного цвета...

– Прекратить немедленно! – не выдержал милиционер. – Я сейчас буду стрелять на поражение за колбасу с румяной булкой!

– Всех не перестреляешь! – гордо вскинул голову Славик.

– Кого всех-то? Вас же двое на шестьдесят патронов!

– Фу, товарищ милиционер, какой вы скучный! Пятьдесят граммов? – и Славик потряс фляжкой.

– Тока быстро и за будку пошли!

Так нам и не удалось на «Авроре» покататься. Да и побывать на ней, собственно, тоже – в этом я так и остался похож на коренного петербуржца.

А про Государственный художественный музей вообще и говорить даже не буду – я считаю, что человек, который не видел Айвазовского в оригинале, вообще зря небо коптит и не о том мечтает, а когда умрёт, то непременно станет об этом жалеть.

Мне вообще все города нравятся, в которых я когда-то бывал – в любом при желании можно найти какой-то шарм и очарование, но Питер можно только любить, вот что я думаю. И когда моя фея-крестная очухается наконец от той вакханалии, которой она, видимо, занята последние полвека, и спросит меня, отряхивая помятый подол своего платья, куда же меня послать жить – в Москву или Петербург, то я вынужден буду рассмеяться ей в лицо от инвариантности этого вопроса. Тут немного притянута за уши, да, но я предполагаю, что она будет слаба в географии и нынешних областных центров может вовсе и не знать.

Так что вот что я вам скажу, мои собраты по несчастью: Матусовский не просто так назвал этот город «притихшим», не слушайте нытьё этих коварных питерцев про то, как там уныло.

Потому что всё это враки. Немедленно собирайтесь и езжайте; потом ещё спасибо мне говорить будете.

Млекопитающие

Не знаю, как в гражданском, а в военном флоте принято делиться всем, кроме зубной щётки и жены, потому что гигиена, знаете ли. А так – вполне можно одолжить чашку, ложку, сигарету, деньги, ботинки, куртку или пилотку с обязательным обещанием вернуть в ближайшее же время, вот буквально после суточного развода на вахту (строевого смотра, похода в штаб, окончания погрузки, прекращения нужды). При этом возвращать-то вовсе и не обязательно, если нужно, так хозяин и сам напомним. Но вот пообещать вернуть – надо непременно.

И некоторые особенно хитрожопые личности, я думаю, пробирались на флот с единственной целью – пользоваться налево и направо широтой души окружающих их моряков.

Служил у нас такой офицер в группе командования: назовём его условно Алексей Васильевич, и была у этого самого не условного, но условно названного Алексея Васильевича привычка никогда не покупать себе сигарет. Ну и что, можете подумать вы, что тут такого – многие люди не покупают себе сигарет, и никто в их окружении не находит в этом ничего особенного. Оно-то так, да, но сколько из них при этом любят курить и делают это с необходимой для их организма регулярностью? Вот то-то и оно.

– Угостите сигареткой! – весело утверждал Алексей Васильевич и при этом обязательно протягивал руку ладонью вверх таким трогательным жестом, что невольно кто-нибудь да сигарету ему выдавал.

День так говорил, два, триста шестьдесят пять, четыреста восемьдесят девять... Причём просил у всех, даже у матросов.

– У него вообще сигареты есть свои когда-нибудь? – спросил как-то механик, глядя с мостика, как Алексей Васильевич бежит по пирсу. – Начнётся же сейчас плач Ярославны про никотиновый голод в конечностях!

– А это науке неизвестно! – доложил Борисыч. – Ни эмпирическим, ни теоретическим путём установить сие не удаётся!

Мы с Борисычем только прибыли на службу из сопок, и механик нас инструктировал на мостике, пока мы остывали. Нам с Борисычем в то время принадлежал рекорд восемнадцатой дивизии по времени преодоления сильно пересечённого по вертикали и горизонтали расстояния «Заозёрск – Нерпичья»: двадцать минут, если не купаться, и двадцать пять с перекупом при среднем времени в дивизии сорок минут. Но если и рекордов не устанавливать, то из сопок всё равно выходишь мокрым: голова, спина и штаны по колено. И вот представьте, стоишь ты такой мокрый, ноги приятно гудят, впереди спокойствие вахты, вкусный чай, уютная сауна с душем имени товарища Шарко и философические беседы на ходовом мостике, а к тебе подходит член группы «К» с протянутой рукой, улыбкой и дежурной фразой: «Угостите сигареткой!» И фразу ты эту уже пятьсот раз слышал только в этом году, и член этот на новеньком «Ровере» ездит, никого не подвозя, потому что «подвеска – говно»; «ой, такая обивка на сиденьях тонкая!»; «совсем бензина нет – боюсь, и один не дотяну!»; «да тебе долго со мной будет, я ещё в дивизию, потом ещё там по делам...» Никто уже и не спрашивает насчёт подвести до дома, потому что привыкли, что нет – условный рефлекс называется. А, ну сейчас-то «Ровером», да особенно на Большой земле никого и не удивишь, а тогда, чтоб вы понимали, такой автомобиль был один на весь городок, а может быть и на всю область. Сигаретный кризис к тому же уже окончился, и хоть денег тогда платили мало и крайне редко, но в продаже были такие абсолютно дешёвые китайские фильтрованные сигареты с козлом на пачке и ещё какие-то, которые было сложно, но вполне возможно курить. И вот всё это сложив в голове, начинаешь внутренне протестовать против такого несправедливого распределения благ, несмотря на широту души, а скорее даже вопреки ей.

– Угостите сигареткой! – как бы поздоровался с нами троими Алексей Васильевич.

– Нету, – сказал я, – бросаю курить и курю последнюю, по этой причине.
– Ты же уже бросал курить неделю назад? И две недели назад?
– То тренировочное бросание было и зачётное, а сейчас – фактическое!
– Борисыч? – и рука ладонью вверх разворачивается к Борисычу.
– Сам стрельнул. Пуст, как претензии Северной Кореи на мировое господство!
– На, – и мех протянул сигарету, не в силах наблюдать больше этого унижения старшего офицера. Так-то он добрый был, даже матросам сигареты раздавал, впрочем, как и все остальные, за исключением сами понимаете кого.

Покурили. Алексей Васильевич убежал по срочным делам вниз, а мы ещё остались постоять.

– Как он заебал уже! – не выдержал механик. – Борисыч, сделайте уже с этим что-нибудь! Командир же будущий растёт! Кому, если не механикам, научить его правилам корабельных приличий!

Ох уж эта команда «Сделайте уже с этим что-нибудь!». По своей универсальности и всеобъемлющему смыслу она уступает разве что команде «Ну вы же офицер!» и зачастую используется с ней в дуэте. Владея одной только этой командой, можно некоторое время вполне спокойно управлять кораблём.

«– Падают обороты турбин!
– Механики! Сделайте уже с этим что-нибудь!»
«– Процентное содержание кислорода в пятнадцатом ниже 18 процентов!
– Химики! Сделайте уже с этим что-нибудь!»
«– Слышу ритмичный металлический стук на кормовой надстройке!
– Минёр! Ты, сука, лючок не задраил? Сделай уже с этим что-нибудь!
– Так мы же в подводном положении!
– Да хоть в глубоком космосе! Тишина важнее ещё одного долбоёба на борту!»

Ну вы поняли алгоритм. Тут главное вовремя остановиться и не заикливаться, а то моряки вас быстренько раскусят – нижние чины команду «сделайте уже с этим что-нибудь!» понимают хорошо, но не любят, когда им её подадут случайные люди. Так что если придётся случайно управлять кораблём, то помните об этом.

И вот захожу вечером того же дня я к Борисычу в каюту, а он сидит и иголочкой аккуратненько так потрошит папироску.

– Да ладно? – спрашиваю я Борисыча, правильно ли понимаю, что здесь такое происходит.

– Дурак, что ли? – отвечает мне Борисыч, что неправильно. – Приказание механика выполняю. Ногти есть?

– Нет! – на всякий случай отвечаю я и прячу обе руки за спиной.

Борисыч строгий, хотя зачем его вопросы моей гигиены интересуют, не совсем ясно.

– Показывай! – не отступает Борисыч.

Показываю.

– Ну вот тут можно срезать, что тебе жалко, что ли?

Нет, конечно, чего мне жалко-то? А на бумажке у Борисыча уже лежали миленькими стопочками какие-то волосики (я не стал спрашивать откуда); кучка пыли («Из реакторного отсека», – гордо сказал Борисыч), щепотка, наверное, заварки, какие-то подозрительные семена (а любые семена на подводной лодке подозрительны), тараканьи лапки и серый порошок, который оказался молотым перцем.

Высыпав из папиросы табак, Борисыч аккуратно смешал все стопочки в одну, тщательно перемешал всё спичками и с помощью самодельного шомпола начал забивать обратно в папиросу.

– Ты чё пришёл-то? – спросил Борисыч.

– Ногти тебе принёс же!

– А изначально?

– Точно не помню уже, но теперь точно не уйду, пока не узнаю, чем всё это закончится!

– Конечно же, не уйдёшь! Ты же часть плана, а как часть плана может уйти от создателя плана?

– Метафизика?

– Суровая действительность! Готово!

Борисыч покатал папироску с адской смесью в пальцах, придавая ей вид заводского изделия, и, оглядев получившийся результат, довольно буркнул «эх, прокачу!» себе в усы.

Кого он собрался катать на папиросе, а? Блядь, неужели всё врут по безопасности реакторов на подводных лодках и вон оно как в итоге заканчивается?

– Алексей Василич на борту?

– Ну. Ночует тут сегодня.

– Значит так. Слушай внимательно. Сейчас идёшь по палубе вдоль его каюты и кричишь мне на вторую призывным голосом: «Борисы-ы-ыч! Пошли покурим!» Понял?

– Понял.

– Давай порепетируем, только кричи шёпотом, чтоб пациент раньше времени не услышал.

Репетировали минут десять. Не знаю, что там за требования в театре к призывному голосу в спектаклях, но Борисыч был придирчив даже чересчур, и совсем не с первого раза получилось у меня добавить необходимый уровень призывности в голос. То я переигрывал, то был вял, то вообще, как Буратино, не понимал, что делаю. Но как говаривал наш механик, отсутствие гениальности компенсируется частотой повторений, и в итоге у меня вышло призывно крикнуть так, что Борисыч выставил оценку «Верю!». Как и перед любым сколь-нибудь значимым мероприятием на флоте, мы сначала выпили чаю, и Борисыч объявил время «Ч».

Надев куртку и пилотку, я тихонько поднялся в девятнадцатый отсек, оттуда громко спустился обратно в восьмой и прошёлся по верхней палубе с криком: «Борисы-ы-ыч! Пошли покурим!» А Борисыч в то время регулярно привозил из отпуска папиросы «Запорожці», и то ли и правда они были так хороши, то ли по сравнению с китайскими, а может и от общей атмосферы суровости и романтизма, но казалось, что табак в те папиросы набивают если и не боги собственноручно, то уж точно какие-то специальные архангелы по их прямому указанию.

Сами представьте: стоишь такой на мостике, напившись чаю или кофе до бульканья внутри. Ночь. Сверху чернота блестит звёздами, снизу чернота плещется морем, швартовые поскрипывают, верхние вахтенные потопывают, шелестят крыльями чайки и остальные животные... Может, ещё ветерок на флагштоках посвистывает. А вы только из сауны, распаренные, как младенцы, и Борисыч достаёт из кармана коробку папирос, раскрывает её широким жестом и молча протягивает, а ты так же молча её берёшь, сминаешь мундштук двумя заломами и у Борисыча же от бензиновой зажигалки прикуриваешь. Не знаю, как вам, а мне вот уже вкусно стало от одних воспоминаний. Понятно, что курить вредно, кто бы спорил, но иногда делать это просто необходимо.

– Ты же бросал курить? – высказывает тут же из каюты Алексей Василич.

– Ну, бросал.

– Не вышло?

– Да откуда я знаю? Это же процесс, и я его только начал.

А выскакивает он из каюты уже тоже в куртке, то есть автоматически как бы считается, что я и его курить позвал. Снизу топает Борисыч, и мы дружным ручейком семеним на мостик. Ночь, наверху немного моросит, и поэтому остаёмся курить внутри – Борисыч угощает. Прикуриваем.

– Крепкая! – щурится от вонючего дыма Алексей Василич.

Ну ясен-красен! Там же пыль из реакторного отсека и молотый перец! Там же из неё вон ногти торчат и волосы с шипением плаваются! Конечно, крепкая – как первая любовь, умноженная на число «пи»!

При этом Алексей Василич начинает нам рассказывать какую-то историю, которая кажется ему увлекательной, и поэтому он широко жестикулирует и тычет в нашу сторону этой адской папиросой. А нам же надо слёзы в глазах удержать, мы пятимся от него, а он за нами, а там места-то с гульки хуй – уже антикоррозийные накладки в спины упираются. Спасибо, меня вахтенный верхний выручил, крикнул в «Лиственницу»: «На пирсе командир!» С неимоверным облегчением отдаю свою папироску Борисычу подержать и бегу от этой вони что есть сил на свежий воздух.

– Чего ты дышишь-то как рыба? – спрашивает командир, выслушав доклад.

– К вам спешил же!

– Соскучился?

– А то!

– А чем тут так воняет-то? – это командир уже по трапу топает из «Прилива» (так по-научному называется утолщение в основании рубки).

– Да... не могу знать!

– Как это ты не можешь знать? У тебя, такое ощущение, лодка подводная горит, а ты знать не можешь? Аж глаза щиплет же, ну!

Поднимаемся до мостика.

– Надо тревогу аварийную объявлять, я тебе говорю! Не знаю, пахнет ли апокалипсис, но если пахнет, то вот именно так! Как ты можешь оставаться таким спокойным?

– Здравия желаем, тащ командир!

– А вот ещё двое подозрительно спокойных офицеров. Курим?

– Так точно!

– А что воняет-то так?

– Не знаем! – бодро отвечает Борисыч.

– Да папиросы эти! – одновременно с ним Алексей Василич.

– Папиросы? – уточняет командир.

– Ага, вот! – и Алексей Василич тычет в сторону командира своей локальной атомной бомбой.

Командир смотрит на папиросу, на Борисыча, потом думает пару секунд.

– Папиросы, значит, да? Ну хорошо, жду вас, Эдуард Анатольевич, в центральном посту!

По имени-отчеству назвал. Ну пиздец, приплыли. Докуриваю, потому что вполне может быть, что и в последний раз.

– Ну, – командир уже снял шинель, подписал журналы и сидит в своём кресле. – Рассказывай!

Я топчусь подальше от него, за планшетом БИП, на всякий случай.

– За время вашего отсутствия на борту никаких происшествий не случилось! – включаю дурака.

– Это я уже слышал и обычно такую простую информацию я усваиваю с первого раза. Рассказывай.

– Проведена отработка смены по борьбе...

– В папиросе что?!

Командир заслоняет ладонью глаза:

– Только, пожалуйста, не надо вот эти честные глаза мне делать, ладно? Убрал?

– Так точно!

Убирает ладонь:

– Ну?

– Сан Сеич! Да откуда я знаю, что в папиресе-то? Теоретически там табак должен быть, а так – ну кто его знает, что там в неё напихали на табачной фабрике, правильно?

В центральный осторожно заходит Борисыч.

– Стань рядом с ним, – тычет командир пальцем в мою сторону. Сам откидывается на спинку кресла, складывает руки на животе и горестно склоняет голову вбок. Смотрит на нас молча минуту, может, две.

– Механики, лучший управленец восемнадцатой дивизии, лучший киповец восемнадцатой дивизии, краса и гордость, можно сказать, и туда же!

Почтительно молчим.

– Спросите меня – куда же?

– Куда же, тащ командир?

– Туда же! Что я, не по-русски говорю? Туда. Же. В детство! Глубокое, незамутнённое разумом и половым влечением детство. Вот отчего вы сейчас не краснеете? Вам же должно быть стыдно сейчас по самые гланды.

– Так за что стыдно-то? – дерзит Борисыч.

– Даже меня он уже заебал тем, что постоянно стреляет у всех сигарет. Хотя я и не курю, но даже меня. Но вот так вот поступить со старшим офицером? Он что, так ничего и не заподозрил?

– Никак нет!

– А если бы он отравился, ну или там асфиксия верхних дыхательных путей? Преждевременные роды? Аппендицит или почечные колики? Что молчите, млекопитающие? Чтoб последний раз!

– Есть!

– Что есть?

– Есть последний раз!

– Так-то! И никому ни слова!

Не, ну механику-то мы рассказали потом, само собой – надо же было доложить о выполнении приказа. Это же военно-морской флот, на секундочку! Он доволен остался, а Алексей Василич так ничего и не заподозрил, но, видимо, какой-то условный рефлекс мы у него всё-таки включили – сигареты у механиков с того случая стрелял только в случае крайней необходимости, то есть редко.

И вот не жалко же поделиться с человеком сигаретой или там ложкой сахара, например, да что там – можно и половину котлеты отдать, но не на регулярной же основе, согласитесь? Потому как заметил я, что есть такие млекопитающие, которые всегда что-то просят, даже если и не нуждаются. То ли это заболевание какое-то, то ли увлечение вроде филателии, но скорее всё-таки заболевание. Не опасное для окружающих, но рано или поздно приводящее их в такую степень раздражения, после которой уже хочется сделать с этим что-нибудь не смертельное, но крайне вонючее.

Или я не прав?

Воспитательная работа

Гражданская наука психология – вещь настолько тонкая, что результаты её применения к отдельно взятому субъекту вряд ли подлежат измерению и представлению в виде доступных пониманию величин. В связи с этим любой человек, язык которого подвешен к телу в должной степени, способен практиковать эту науку среди индивидуумов с менее подвешенным, чем у него, мозгом и, мало того, даже брать с них за это немалые деньги. В связи с этим кажется абсолютно непонятным, как большинство людей из крупных городов доживают до пожилого (более тридцати лет) возраста со всеми этими своими мигренями, сезонными обострениями, регулярными, кам андаунами, и неспособностью найти своё место в окружающей их действительности.

То ли дело – психология военная! Чёткие и универсальные приёмы воздействия на психику в виде «Не ебёт!», «С хуя ли?», «Какого хуя?» и «Да заебал ты!» имеют высокую эффективность и действуют как мышь на слона, только наоборот. А уж практические приёмы! Все, конечно, я описывать не буду, тем более бесплатно, но про один сейчас расскажу.

Навалилась на меня как-то Тоска без Начала. Ни причин для того не было, ни поводов, но вот навалилась, сука такая, и не отпускает, что ты ни делай – хоть кисель пей, хоть на трамзисторе играй. День не отпускает, два, четыре – на пятый пошёл к доктору, который не раз декларировал вслух, что он психиатр. Доктор меня внимательно выслушал и говорит:

– Бессонница? Вес теряешь? Потеря аппетита? Ну тогда всё нормально. Я думаю, что это просто рак и ты скоро умрёшь. Абсолютно не о чем волноваться в плане расстройства твоей психики!

– Ну а серьёзно?

– Ну хочешь тебе препаратов выдам нозепамовой группы?

– Поможет?

– Нет, конечно, но хоть не повесишься!

– Дурак ты, доктор, и не лечишься!

– Конечно, не лечусь! Я же доктор!

На следующий день подзывает меня к себе командир после построения. А осенью ранней дело было – вокруг красота такая, запахи вот эти вот ноздри щекочут, чайки ещё белее кажутся... Один я, короче, весь пейзаж порчу.

– Стас! – кричит командир заму. – Тоже подойди!

– Два замполита на корабле, – начинает командир, – а воспитательную работу среди офицера опять я провожу!

– Что он натворил, б? – интересуется замполит.

– Стой и учись, как надо психологическую помощь офицерам оказывать! Эдуард?

– Да, тащ командир.

– Рассказывай.

– О чём, тащ командир?

– Отчего ты ходишь смурной, как удод по болотам, а? Ну тошно смотреть же уже...

– Не знаю, тащ командир, тоска какая-то.

– Сосёт?

– Если бы! Грызёт в основном и давит!

– Болит что?

– Никак нет.

– Дома всё ли в порядке?

– Всё в порядке!

– То есть вселенская тоска?

– Она самая – вообще без причин!
– Да заебал ты, б! – вступает замполит, но командир его прерывает жестом руки.
– Слушай, Эдуард, есть способ один – поможет сто процентов. Принимаешь внутрь кружку абсента и идёшь на танцы.

– Танцевать, что ли?

– Дурак, что ли? Мужики не танцуют! Придёшь на танцы, выберешь место поярче, ну там под лампочкой какой или стробоскопом, станешь в задумчивую позу, руки, как Лермонтов, на груди скрестишь и будешь смотреть на всех свысока. Умеешь, как Лермонтов-то?

– Умею.

– Покажи.

– Не, ты как Чаадаев стоишь, а надо вот так, – командир показывает как. – Повтори. Нормально, потренируешься и после обеда мне предъявишь на зачёт. Так вот стоишь ты под лампой с абсентом и тоской внутри и смотришь вокруг с небрежной улыбкой на рту, а вокруг, мать моя женщина, ты посмотри что творится-то! Те вон пьяные в стельку и лыка не вяжут, а готовы подраться вон из-за той самки, у которой трое детей и варикозное расширение вен на ногах даже сквозь колготки проступает; те слишком вульгарно накрашены; те танцуют, как Буратино без ног, а неумело притворяются, что умеют; те вон одеты, как шлюхи, а делают вид, что английские королевы; та вон рыдает в углу навзрыд и тушь по щекам, а рыдает вон из-за того свина, а он же смотри какой неприятный, и усики эти – ну как из-за такого можно рыдать? А у этой, смотри, жопа шире моих плеч, а она ей крутит так, что стаканы за соседними столикам от воздушного фронта шатаются! И это ты ещё в тёмные углы не заглядывал! А ты один такой стоишь посреди этого позора рода человеческого. Лермонтов. И улыбаешься презрительно. Покажи, как презрительно улыбаются. Не саркастично, я сказал, а презрительно. Ну вот, другое дело.

И пока он всё это рассказывает, он же руками жестикулирует активно, то на кучку минёров покажет, то на группу механиков, то на помощника. И у всех, конечно, такой дикий непонятный вид от этого образуется, все думают, что это происходит такое за представление с таким странным составом актёров, и главное, как от всего этого теперь укрыться. И поговорить-то сразу находится о чём: все сразу начинают выдумывать отмазки непонятно от чего, но не зря же командир в них рукой тычет и вон как говорит активно – с этим надо что-то делать же срочно.

– И что, – спрашиваю, – поможет?

– Тебе – не знаю, а мне точно поможет! Ты же после всего этого напьёшься обязательно и на службу завтра не явишься, а послезавтра, когда явишься, то будешь уже чувствовать себя виноватым, и мне не надо будет проявлять к тебе сочувствие, а надо будет что? Правильно – ебать тебя за наглый прогул, что для меня намного легче, и траты душевных сил не требует! Молодец я? Тонко?

– Так точно!

– Ну, ступай тогда. Ступай, я сказал, а не бреди, как верблюд по пустыне! Резину мне на палубе когтями поцарапаешь!

– И что это было сейчас? – спросил механик, когда я примкнул к своей стае.

– Психологическая помощь. Практически отцовская.

– Помогло?

– Послезавтра и узнаем.

– Борисыч эвкалипта заварил – вечером сауну по-взрослому устраиваем. Ты в деле?

– Да.

– А чего командир тебе посоветовал?

– Абсенту выпить и на танцы сходить.

– Так что, нам турбинного масла в шило добавить? Потанцевать-то мы можем, конечно, да.

– Нет уж, увольте! Обойдусь без масла вашего и тем более без танцев! Мало у меня депрессия, так ещё и на танцы ваши смотреть! Тьфу – срамota!

После обеда лежу и смотрю в сетку на верхней койке – ну сплю типа. Вызывают меня наверх. Поднимаюсь – стоит на пирсе командир с саквояжем и замполитом.

– Чуть не забыл! – кричит мне снизу. – Показывай!

Что ему показывать? А, Лермонтова же – вот чёрт, забыл совершенно.

Показываю.

– Ну как тебе, Стас?

– Ну-у-у, уже не Чаадаев, конечно...

– Ну да, ну да. Ладно – зачёт! Свободен!

И уходят. Надо же – не забыл, вот прямо уже чуть полегчало на душе, а ещё сауна вечером: жизнь-то вроде и налаживается!

А эвкалипт в сауне вещь вообще незаменимая. Попробуйте, даже если нет сушёного, в виде травы, можно настойку купить в аптеке, правда, когда сушёный завариваешь – эффект лучше.

Сидя вечером в парилке, все активно потеют, сопят, пот в баночки мыльницами соскребают, и кто-то спрашивает:

– Борисыч, а эвкалипт для чего полезен?

– Для всего практически!

– Не, ну вот что он сейчас лечит?

– А у тебя что болит?

– Ничего!

– Тогда просто иммунитет укрепляет!

– А у меня – бронхит!

– Всё – считай нету!

– А мне платят мало!

– Вот прямо сейчас слышишь топот копыт вверху? Это помощник поскакал приказ строчить на твою премию! Вот что эвкалипт животворящий делает!

– А раны душевные?

– Только со спиртом!

– Ну дык а чего мы сидим? Может, пора уже того? Спрямитесь?

– Терпеть! Мне ещё грамм сто в банку наскрести надо!

Потом все плещутся в ледяном бассейне и долго, оттого что с разговорами, пьют, а под утро спорят, есть ли смысл ложиться на пару часов или уже до подъёма флага сидеть. И вот именно сейчас это так важно, что нужно даже об этом спорить – ведь если ты ещё в сознании, то неприлично же покидать общество, если общество несколько часов рассказывало тебе истории про то и про это, заботливо подливало и чутко не задавало вопросов, кроме наводящих.

А утром стоишь на построении с такой удивительно чистой, прямо до звона, головой и красными глазами, которые светят из-под опухших век. И с удивлением понимаешь, что вот если вокруг посмотреть, то море – солёное и пахнет йодом, сопки – в красном мху и пахнут грибами и ягодами, небо – синее, а жизнь – прекрасная... Вот только бы поспать ещё минут двести-триста, а потом чаю крепкого, но лучше кефира, – и вот оно, счастье, как синица в руках трепыхается, а журавлей в небе-то и не видать: нет их тут, журавлей этих, не долетают до наших краёв, стервецы, как бы и не оставляя выбора вовсе, что не может не радовать.

– Чё, – спрашивает командир, – пришёл всё-таки?

– А я и не уходил, – говорю.

– А отчего ты не выполнил моего приказа?

– Да чот компрессор забарахлил, тащ командир, пока возились, чинили, пока то да сё – уже и смысла не было идти!

– То да сё, говоришь? Да я чувствую ваше «то да сё» – видишь же, дугой БЧ-5 обхожу. Но глаза, вижу, лучше стали, да.

– Так их не видно у него же, тащ командир! – это замполит подливает масла.

– Да у половины механиков их не видно сегодня – значит что? Значит – в хорошей компании вечер провёл и терапевтический эффект не заставит себя ждать! Правильно я говорю, доктор? – кричит в другой конец строя.

– Так точно! – орёт в ответ доктор.

– Ты же не слышишь, что я говорю! – кричит ему командир.

– Это не имеет значения! Вы всегда правы! Это я сейчас как психиатр говорю!

– Вот это да. Вот это точно, – поддакивает замполит.

– Ты-то тоже меньше рот раскрывай, а то думаешь – «джуси фрут» твой перегар маскирует?

– А... ну был такой план, да.

– Так вот – нет! На прошлой неделе твой способ с мускатным орехом был эффективнее, если не считать того, что только идиот поверил бы тому, что ты с утра просто так нажрался мускатных орехов!

– Нет пределов совершенству, тащ командир! – бодро доложил замполит.

– В желании обмануть начальство, да?

– Скорее, ввести в заблуждение по некоторым вопросам, не касающимся служебной деятельности напрямую!

Ну что – записали приём экстренной психологической помощи или повторить? Повторяю: друзья плюс баня плюс эвкалипт, всё обильно запить алкоголем и заесть максимально полезной едой – если мясо, то жареное, если сало, то копчёное, если огурцы, то солёные, а если капуста – то квашеная. Конечно, ещё выпаренный батон под это хорошо, но где же вам его достать? На следующий день не валяться в постели умирающим лебедем, а на общественно-полезные работы! И никаких женщин в эти два дня! Ни в каком виде!

Именно так и предписывает поступать военная психология. Гендерный шовинизм тут ни при чём, сугубо научный метод.

Тишина

Всегда улыбаюсь, когда слышу рассказы незнакомых мне людей о том, как они любят тишину. Нет, ну внешне-то, конечно, я серьёзен и поддакиваю, но внутри смеюсь. Я на самом деле ничего ужаснее тишины в своей жизни не испытывал. Страшно-то многое: гореть, тонуть, лезть на скалу по двум тоненьким верёвочкам, умереть от рака, даже первый раз смотреть фильм про оборотней страшно, когда ты юн. Но вот такого ужаса, как тишина, ваш мозг вряд ли когда-то испытывал.

Первый раз я услышал тишину, когда погрузился в бассейн в водолажном снаряжении. Сразу стало интересно и необычно, а потом минут через пять как-то не по себе. Вот он, трап, вроде бы в мутной зеленоватой жиже, вот они, трубы, которые ты должен собрать, а как-то начало казаться, что ориентация теряется, и тишина, такая приятная и ласковая в самом начале, начала тихонечко звенеть в ушах. Как она может звенеть громко и разрывать мозг, я узнал уже позже – на подводной лодке.

Единственное место на земле, где можно услышать тишину, – это специальная безэховая комната из железа и бетона в США. По их статистике, никто не выдержал нахождения в этой комнате более 45 минут. А казалось бы, чего там? Сиди на мягком стульчике да посапывай. Просто мозг-то ваш, дорогие мои любители тишины, тишины-то этой никогда и не слышал на самом деле. Весь тот уровень шума, который есть вокруг и более-менее одинаков, мозг с удовольствием принимает за абсциссу и начинает свой отсчёт «шум-тишина» именно от неё. А представьте, если её резко убрать? Вообще, подводная лодка – место довольно шумное: механизмы, сервоприводы, вентиляция, кондиционирование, гидравлика, воздух и электричество создают свой особый, неповторимый фон, который слышен сразу, едва ты спустился в рубочный люк. Но слышен он недолго, и довольно быстро мозг начинает тебе говорить, что здесь тихо. Было ли страшно, спрашивают меня некоторые люди. Никогда. Когда что-то случается, то происходит всё настолько быстро, что осознать происходящее просто не успеваешь: или действуешь на автомате, на выработанных инстинктах, или застываешь, как истукан, в шоке от перегрузки нервной системы. Потом уже, когда анализируешь ситуацию, твой мозг знает, чем всё закончилось, и ноты страха убирает из эмоций, считая их ненужными и лишними. А вот чувство животного ужаса испытать легко: это как раз в те моменты, когда на подводной лодке становится тихо. Можно не услышать сигнал аварийной тревоги: чисто теоретически, конечно. Аварийная тревога передаётся звонком (звонок почти как в школе, только выше тональность и более пронзительный), сигнал аварийной тревоги – частая дробь, во время которой по громкоговорящей связи объявляют, что и где случилось. То есть ты сразу понимаешь, куда тебе бежать и зачем. Конечно, и пожар, и вода, и заклинки рулей на подводной лодке – вещи страшные, но алгоритм действий по ним отработан сотни раз и... ну... как бы правильнее сказать... шанс есть, короче.

А вот не услышать тишину – абсолютно невозможно, как бы парадоксально ни звучала эта фраза на первый взгляд. Вот ты спишь, а в следующую секунду уже стоишь, выпучив глаза и полностью потеряв нить реальности. Мозг гремит в голове, как последнее драже гексавита в банке, и орёт: «Уши!!! Ушибля!!! Где? Где! Мой! Шум?!» И начинает сам его создавать, подтягивая себя снизу к оси абсцисс. И этот шум – сначала ты сам, а потом – звон. В месте, где нет звука, сначала ты становишься звуком сам: слышно, как стучит сердце, течёт кровь и бурчат газы в кишечнике, а потом начинается звон.

Тишина звенит, ребята и девчата! В тишине на самом деле совсем не тихо.

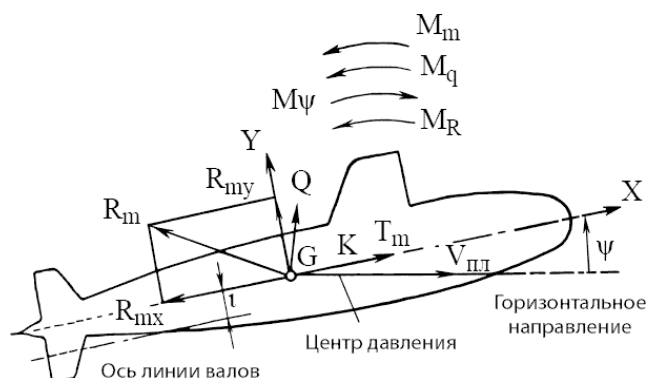
Первое, что делает мозг, это пытается сориентироваться: надводное положение или подводное. В надводном, в принципе, херня – сразу можно расслабиться, а вот в подводном жопа,

конечно. Самое страшное – рули и если лёд сверху. Тут-то и есть важная особенность дифферентовки подводной лодки. На подводную лодку под водой действуют вот такие силы:

Все их нужно учесть и уравновесить. Подводная лодка бывает удифферентована:

- легка;
- легка, лёгок нос;
- легка, легка корма;
- легка, тяжёл нос;
- легка, тяжела корма;
- тяжела

...ну и так далее. И здесь опять всё сводится к тому, как предпочитает плавать командир и механик. То есть опять всё сводится к субъективным предпочтениям одного человека. Что, конечно, не все из вас понимают. Знали вы в своей жизни хоть одного человека с такой степенью доверия?

А рули сразу падают. Ими, конечно, можно управлять вручную, но для этого нужно, чтоб кто-то прибежал в КШР¹, нашёл нужные гидроманипуляторы и начал ими управлять. Причём как он ими управляет, он не знает – линейка, которая показывает положение рулей, находится в трёх метрах от самих манипуляторов. Был у нас матрос-контрактник такой, Паша. Из таких, знаете, которые в жопу без мыла залезть могут. «А потом ещё вылезет, и от него говном вонять не будет», – обычно добавлял Антоныч.

Паша имел странную, но очень полезную особенность характера: был он работающим, но страшно ленивым и поэтому всю порученную ему работу выполнял быстро, эффективно и с минимальными затратами собственных сил.

– Борисыч, – говорил, например, Антоныч, – надо в холодильнике на пять градусов больше сделать, интендант икру заморозить хочет.

– Антоныч, так это же полдня ебаться надо! А у меня гидравлика, компрессоры стоят, и на хуй вообще всё! Пиздец работы сколько!

– Как дитё ты, Андрюха! Паше поручи!

– Так он же гидравлист, а не холодильщик.

– Хуильщик! Этот жук и с холодилькой договорится! Вызывай Пашу!

– Павел, – отдавал приказание Антоныч Паше, – нужно совершить подвиг и обеспечить экипаж икрой! Почёта и уважения тебе за это не обещаю, даже на руках носить тебя никто не станет – дело абсолютно секретное, но с меня одно ненаказание, зуб даю!

– Есть, Сан Антоныч! – отвечал Паша и куда-то убегал. Возвращался он через час и докладывал, что всё сделано, но как, просил его не спрашивать. А никто и не спрашивал.

¹ КШР – кормовая шлюзовая рубка.

Так вот, этот Паша придумал систему из военных зелёных ремешков, блока и проволоки, с помощью которой он лежал возле линейки указателей кормовых горизонтальных рулей и даже успевал ещё поспать, пока управлял ими вручную.

– Молодец! – сказал Антоныч, когда поймал его спящим на рулях во время исполнения учения по ручному маневрированию. – Никому не рассказывай, но обучи личный состав пятнадцатого и шестнадцатого отсеков, прими у них зачёты и доложи мне завтра!

А в надводном-то ерунда, конечно, когда всё рушится. Ну, врежемся в берег или пирс снесём в крайнем случае – делов-то. Как-то, помню, поднялся на мостик покурить, когда возвращались из очередного выхода. Так-то, конечно, нельзя, тревога и всё такое. Но «Молибден» в надводном положении не особо задействован, а кроме того у меня была в кармане индульгенция от старпома, запаянная в целлофанку, в которой говорилось, что мне разрешено курить на ходовом мостике в надводном и подводном положениях, а также проходить в курилку без очереди и отходить от места без команды: «Подвахтенным от мест отойти». С росписью и печатью, всё как положено! За что он мне её выдал, я уже и не помню, вроде как стих я про него какой-то льстивый написал, с подъёмками и рифмой, но для придания мне статуса великого в ваших глазах отмечу, что я был единственным за всю историю корабля, у кого была такая бумажка!

Я и бал принцесс

– Эдик, пошли гидравлику грузить, нам привезли тонну почти!

Андрей Борисович стоит в дверях моей каюты и сверлит меня взглядом. Чувствую это спиной, так как делаю вид, что крепко сплю. А вдруг отстанет.

– Эдикбля!!!

Олрайт; значит, так не удастся откосить.

– Борисыч, – говорю, садясь на кровати, – ну какая гидравлика? Ну я же люкс в БЧ-5, ну посмотри на мои пальцы! Я ж как музыкант по кнопкам – должен чуйствовать подводную лодку.

Борисыч скатывает в тугой шар ватник, который он держит в руках, и швыряет мне его в грудь, гад:

– Вот ваш фрак, маэстро! Публика ждёт на бенефис и нервно волнуется. Пошлибля. Нет никого, только мы с Толиком. А вдвоём у нас пупки развяжутся!

– А так у нас втроём пупки развяжутся, и вам не так обидно будет?

А на дворе как раз весна началась. Ну, в смысле, где-то в Севастополе она уже наверняка началась, а у нас март – один из самых противных месяцев. Солнце появляется, и это, конечно, хорошо, но вот морозы ещё не уходят, а ветра сильные уже пришли. Так что даже сморкаемся сосульками. Надеваю водолазное бельё, робу, ватник, ботинки. Шапку и варежки беру под мышку. И этакой вот каракатицеобразной матрёшкой бреду в центральный пост. В центральном меня ждут Борисыч и мичман – компрессорщик Толик.

– Чё так долго-то?

– Да думал, что без меня начнёте.

В составе дружного трио ползём вверх. Первым идёт Толик и застывает при выходе из рубки.

– Глядите, – говорит, – картина «Старик и море»!

Глядим. На корне пирса стоит управленец ГЭУ², тоже Борисыч, и пишет в залив.

– Борисыч!!! – кричит ему Андрей. – Смотри осторожней, а то русалки за струю в море утащат!!!

– Не утащат! Они ж хохлов не таскают – от нас чесноком пахнет всё время. Это вас, кацапов, за милую душу!

– Мы же бульбаши!!! – кричим мы с Толиком, а наш Борисыч не кричит – он из Питера.

– Ага, – улыбается Борисыч, которые не наш, – особенно Эдик бульбаш! Такой же, как Хафизыч, только глаза пошире!!

– А давайте его отпиздим!!! – предлагает Толик. – Заодно и разомнёмся!!!

– А кто вам реакторами будет в море управлять, короли говна и пара, а? – резонно парирует не наш Борисыч.

Тут он, сука, прав. Самый грамотный управленец в дивизии. Чуть что – зовут его. На стержнях реактора, как Паганини, что хочешь сыграет. Образно выражаясь, конечно.

– Давай это... помоги нам лучше! – забрасываю я пробный шар.

– Да щас! Бог – поможет! Я же офицер военно-морского флота, а не грузчик!

Ладно, идём на пирс. У трапа стоит огромный овчинный тулуп в валенках. На тулупе висит автомат, а внутри тулупа торчит верхний вахтенный матрос. Возле него лежат и ждут наших ласковых касаний четыре двухсотлитровые бочки с гидравликой. Курим. Ходим вокруг бочек. Пинаем их ногами. Бочки продолжают равнодушно лежать.

– Может, чая пойдём попьём? – соблазняет Толик.

² ГЭУ – главная энергетическая установка.

– Не, надо грузить, а то стемнеет скоро.

Покурили ещё. Поняли, что бочки сами себя не загружат и надо браться за работу. Раскрутили боковые поручни у трапа, соорудили наверху подобие блока из подручных материалов и кое-как закатали бочки на палубу. Открыли приёмный лючок.

– Ты систему подготовил? – на всякий случай уточняет Борисыч у Толика.

– А то. Готова, как девственница в первую брачную ночь!

Начинаем заливать бочки внутрь подводной лодки. Гидравлика замёрзла и течёт неохотно, тоненькой и ленивой струйкой. Мы с Борисычем поддерживаем бочку с боков, чтоб она не кульнула, а Толик – сзади, чтоб тоже типа что-то делать. Из дивизии приходит командир, подходит к нам и молча стоит, любителю на нашу слаженную работу. Конечно, это красиво, когда два человека с высшим образованием и один со среднетехническим заливают гидравлику из бочек внутрь. Минут пять стоял молча, потом вздохнул:

– Ну что, ебётесь?

– Ну, – говорим.

– А хотите по-настоящему? – улыбается командир.

– Не-не-не-не-не!!! – дружным, слаженным коллективом отвечаем мы.

– Так, ты! – показывает командир на меня пальцем. – Подойди-ка ко мне.

Выполняю приказание. А он ка-а-ак даст мне в пузо кулаком.

– Ура-а-а-а!!! – кричит Борисыч. – Наконец-то можно младших по воинскому званию бить!

И отвешивает оплеуху Толику.

– Только мне! – уточняет командир. – Эдуард, почему ты меня, своего родного командира, обманул?

Прокручиваю в голове свою почти двухлетнюю службу.

– Сан Сеич, – говорю официальным тоном, – соизвольте объясниться! Ни разу за всю свою жизнь я вас обмануть ещё не успел!

– А кто мне говорил, что он флотская сирота и родственников у него в штабах нету?

– Я говорил. Так ведь и нету: мать у меня медсестра в Борисове и отец хуй знает где в Челябинске.

– Да? А почему тебе министр нашей обороны звание капитан-лейтенанта досрочно присвоил?

– Какой министр? Какое звание? – хлопаю ресницами.

– Ну, приказ пришёл в дивизию, что тебе министр обороны присвоил очередное воинское звание досрочно и требует твоего явления в Североморск послезавтра, чтоб он тебе погонь мог лично вручить в связи с твоей охуенностью. Так что собирайся.

– Так а чё тут собираться, – говорю, – два месяца зарплату не платят – я до Североморска точно не доберусь никак.

– Придумаем что-нибудь. Там вроде с флотилии машина пойдёт. Пристроим тебя на хвост.

Ну, пристроили. Ехали из одиннадцатой дивизии ещё один геройский старлей-спектрюмный и его командир на «уазике» дивизийном. Ехали весело: у «уазика» не работали дворники, и водитель останавливался каждые двадцать-тридцать километров, выскакивал протирать лобовое стекло. Это же атомный флот, бля, а не автобат – правильно? А ещё мы всю дорогу были возбуждены и хотели выпить, но одёргивали себя, что, мол, надо терпеть, а то вдруг министр целоваться полезет.

Ну, доехали до ДК Северного флота. Чуть не опоздали, между прочим. Бежим в зал, волнительно открыв рты. На входе прапорщики.

– Сдайте, – говорят, – фотоаппараты.

– Что? Что сделать?! – прямо бровями поднял фуражку командир лодки.

– Фотоаппараты запрещено с собой брать. Для безопасности.

– Чтобля?! Я – капитан первого ранга, командир атомной подводной лодки Северного флота! Это – дворец культуры того же самого Северного флота!!! Вы охуели, что ли, совсем тут?!

Ну, мы, конечно, с другим старлеем давай его успокаивать и дёргать за рукава с обеих сторон. Волнуемся за свои досрочно полученные звания, наверное. Уговорили его, сдали фотоаппараты. Да и хуй с ними, заходим в зал, садимся. Лётчики кругом, пограничники, надводники, ну, и как всегда, больше всего крыс тыловых. Да и хуй с ними тоже! Начинается. И выходит на сцену... мать моя женщина... так это ж Черномырдин Виктор Степанович!

Он-то нам погоны и вручал. Министр обороны просто стоял сзади и хлопал в ладоши, а потом руки всем жал. Некоторые потом говорили, что был он выпивши, но я лично этого не заметил.

Из моряков меня первого вызвали, просто, видимо, случайно. Выхожу. Оваии вокруг – прям хоть бери и стесняться начинай. Виктор Степанович вручает мне погоны, жмёт руку и спрашивает:

– Ну как служитя-то? Надёжно ли защищены наши рубежи?

– Да нормально, – говорю, – рубежи неприступны!

– А у вас, – говорит Виктор Степанович, – такие звания смешные. Читаю вот в приказе вашем: «Старшему лейтенанту присвоить звание капитан минус лейтенант». Как это, говорю, товарищи, капитан минус лейтенант и есть же старший лейтенант. А он (и показывает за спину на министра обороны) надо мной смеётся!

– Вот гад! – сочувствую. – Только ы ему не говорите, что я так сказал!

– Не скажу! Потом на балу ещё поговорим!

Ёпт! Так ещё и бал будет? А может, они с собой и принцесс из Москвы каких привезли для отличившихся офицеров? Ещё прямо радостнее на душе стало: я ибал принцесс, потом же всем можно рассказывать, не особо лукавя душой!

Но на фуршет с балом мы не смогли остаться – в дивизию затребовали срочно вернуть единственный «уазик». Решили сами себе устроить фуршет и бал. Спирт у нас с собой был, скинулись на троих и купили банку килек в томате, батон и пачку сосисок. Водитель нам банку тушёнки ещё подогнал. Заехали на ядерную свалку по дороге в Заозёрск и давай там быстро напиваться. Сторож к нам пришёл:

– Чего это вы тут, ребята?

Ну, рассказали ему, что да как.

– Погодите, – говорит, – я вам сейчас хоть сала с лучком принесу.

– А принцесс, – спрашиваем, – нет у тебя случайно тут?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.